

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Департамент публичного права
(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Уголовно-правовая

(направленность (профиль)/специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Государственный обвинитель как участник уголовного судопроизводства»

Обучающийся

Д.Ю. Кузьминов

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, Ю.О. Мещерякова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью системного подхода к изучению правового статуса, полномочий и практики участия государственного обвинителя в уголовном процессе. В условиях реформирования правоохранительной системы и усиливающейся роли состязательности сторон возникает потребность в более глубоком осмыслении места обвинителя в структуре участников уголовного судопроизводства, а также в выявлении и устранении существующих проблем и пробелов в правовом регулировании.

Целью настоящего исследования является комплексное изучение правового положения и деятельности государственного обвинителя как участника уголовного судопроизводства, а также выработка предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в данной сфере.

Объект исследования – общественные отношения, складывающиеся в процессе осуществления государственного обвинения в рамках уголовного судопроизводства.

Предметом исследования являются правовые нормы, регламентирующие деятельность государственного обвинителя, а также практика их применения в условиях современной правовой системы.

Методологическую основу работы составляют как общенаучные методы, так и специальные юридические методы.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при совершенствовании уголовно-процессуального законодательства, разработке методических рекомендаций и повышении эффективности деятельности государственных обвинителей.

Работа включает в себя введение, три главы, разделенные на параграфы, а также заключение и список используемых источников и используемой литературы.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Общая характеристика правового положения государственного обвинителя в уголовном судопроизводстве	7
1.1 Становление и развитие роли прокурора по поддержанию государственного обвинения	7
1.2 Понятие и функция государственного обвинителя в уголовном судопроизводстве РФ	13
Глава 2 Полномочия и особенности участия государственного обвинителя в судебном разбирательстве	20
2.1 Участие государственного обвинителя в подготовительной стадии судебного разбирательства	20
2.2 Участие государственного обвинителя на стадии судебного следствия	28
2.3 Участие государственного обвинителя в прениях сторон	41
Глава 3 Актуальные проблемы и пути развития института поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции	47
3.1 Проблемы, связанные с отказом прокурора от поддержания государственного обвинения	47
3.2 Проблемы поддержания государственного обвинения в суде присяжных заседателей	55
Заключение	66
Список используемой литературы и используемых источников	70

Введение

В современном обществе вопросы, связанные с деятельностью государственного обвинителя, приобретают особую значимость в контексте обеспечения законности, справедливости и соблюдения прав человека в уголовном судопроизводстве. Государственный обвинитель, выступая представителем публичного интереса, играет центральную роль в реализации уголовной политики государства, а также в обеспечении эффективности и справедливости судебного процесса. Его деятельность непосредственно затрагивает права и свободы участников процесса и оказывает существенное влияние на итоги уголовного дела.

Государственный обвинитель выполняет ряд ключевых функций, таких как утверждение обвинительного заключения, поддержание обвинения в суде, участие в исследовании доказательств, выступление в судебных прениях, а также обращение с апелляционными и кассационными жалобами. Данные функции требуют от обвинителя высокого уровня профессионализма, беспристрастности и строго соблюдения норм действующего законодательства. Вместе с тем, практика реализации данных полномочий вызывает многочисленные дискуссии в научной среде и среди правоприменителей, что обусловлено как правовыми, так и организационными аспектами его деятельности.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью системного подхода к изучению правового статуса, полномочий и практики участия государственного обвинителя в уголовном процессе. В условиях реформирования правоохранительной системы и усиливающейся роли состязательности сторон возникает потребность в более глубоком осмыслении места обвинителя в структуре участников уголовного судопроизводства, а также в выявлении и устранении существующих проблем и пробелов в правовом регулировании.

Целью настоящего исследования является комплексное изучение правового положения и деятельности государственного обвинителя как участника уголовного судопроизводства, а также выработка предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в данной сфере.

Для достижения указанной цели в ходе исследования решаются следующие задачи:

- раскрыть правовую природу и сущность государственного обвинения в уголовном процессе;
- определить особенности участия и процессуальные полномочия государственного обвинителя в судебном разбирательстве;
- проанализировать основные проблемы, связанные с отказом прокурора от поддержания государственного обвинения;
- проанализировать основные проблемы поддержания государственного обвинения в суде присяжных заседателей;
- выработать предложения по совершенствованию законодательства, регулирующего деятельность государственного обвинителя.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе осуществления государственного обвинения в рамках уголовного судопроизводства.

Предметом исследования являются правовые нормы, регламентирующие деятельность государственного обвинителя, а также практика их применения в условиях современной правовой системы.

Методологическую основу работы составляют как общенаучные методы такие как анализ, синтез, индукция, дедукция, так и специальные юридические методы, такие как формально-юридический, сравнительно-правовой, системный, метод правового моделирования и интерпретации правовых норм.

Нормативную базу исследования составляют Конституция Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, федеральные законы, подзаконные нормативные акты, международные

договоры, а также правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

Эмпирическая основа исследования представлена данными судебной практики, а также материалами научных публикаций, посвященных вопросам деятельности государственного обвинителя.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при совершенствовании уголовно-процессуального законодательства, разработке методических рекомендаций для органов прокуратуры и повышения эффективности деятельности государственных обвинителей.

Работа включает в себя введение, три главы, разделенные на параграфы, а также заключение и список используемых источников и используемой литературы.

Глава 1 Общая характеристика правового положения государственного обвинителя в уголовном судопроизводстве

1.1 Становление и развитие роли прокурора по поддержанию государственного обвинения

Государственный обвинитель является одной из ключевых фигур уголовного судопроизводства, играющей важную роль в обеспечении законности и справедливости. Он представляет государство в суде, выдвигает обвинение, участвует в сборе доказательств и обеспечивает защиту прав и свобод граждан. Его функции и полномочия определяются как отечественными нормами права, так и международными актами.

Вопрос о роли государственного обвинителя в уголовном судопроизводстве имеет долгую историю и был предметом многочисленных научных исследований.

В соответствии с п. 22 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ), обвинение определяется как «утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном настоящим Кодексом» [43], что подчеркивает его ключевую роль в движении уголовного процесса.

Как отмечает Х.М. Лукожев, обвинению принадлежит огромная роль в уголовном процессе, поскольку «оно служит отправным положением для разработки целого комплекса вопросов доказательственного права: о предмете доказывания, главном и доказательственном фактах, понятии доказательств, их делении соответственно характеристике обвинительных и оправдательных, прямых и косвенных доказательств» [23, с. 1]. Автор подчеркивает, что «государственное обвинение как разновидность публичного обвинения направлено на применение уголовного закона для защиты интересов личности, общества и государства, и его исключительное право возложено на

прокуратуру, где государственный обвинитель, согласно п. 6 ст. 5 УПК РФ, является поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры [33].

Для понимания сущности этого института многие исследователи обращаются к историческим корням, указывая, что «в Древней Греции уголовная юстиция носила частно-исковой характер, где при отсутствии обвинителя дело не начиналось даже при наличии явного преступления, а поддержание обвинения в государственных процессах рассматривалось как служение обществу, патриотический долг, почетная обязанность» [23, с. 2].

Аналогично в Древнем Риме, где принцип *Nemo iudex sine actor* («Без обвинителя нет и судьи») подчеркивал, что суд не мог возбуждать дела по своей инициативе, а обвинение осуществлялось в форме народного обвинения,

Х.М. Лукожев видит истоки обвинительного процесса, там, где, по словам Цицерона, «*Nemo nisi accusatus fuerit, condemnari potest* – Никто не может быть осужден без соответствующего обвинения» [23, с. 2]. Переходя к раннефеодальным государствам, автор отмечает, что судопроизводство начиналось по жалобе потерпевшего или родственников, сохраняя обвинительный характер.

Относительно российского контекста, рассмотрено мнение О.Г. Ковалева и Н.В. Семеновой, которые считают, что «законодательное регулирование института поддержания государственного обвинения уходит корнями в Древнюю Русь, когда в «Русской Правде» появились первые попытки правового регулирования уголовного судопроизводства, включая возбуждение уголовного преследования с элементами обвинения, но с частным характером, где «видоки» (очевидцы) и «послухи» (владевшие информацией со слов других) выступали основными субъектами обвинения, а также применялись религиозные обряды для указания на виновность» [18, с. 2]. Авторы подчеркивают, что в «этот период уголовное преследование возбуждалось по жалобе потерпевшего, который собирал доказательства и обеспечивал доставку обвиняемого в суд, а процесс представлял собой тяжбу

сторон перед князем или его судьями, где судебное разбирательство было состязательным и гласным, решаясь на основе представленных доказательств, а суд лишь констатировал исход состязания» [18, с. 2].

Как отмечают О.Г. Ковалев и Н.В. Семенова, одним из способов рассмотрения дела была рота, которая, по словам М.Ф. Владимирского-Буданова, «по древним толкованиям рота означает спор, битву. Она служила первоначальным источником, из которого впоследствии развились ордалии и судебные поединки», отражая религиозно-формальный подход [18, с. 2].

Развивая эту мысль, Х.М. Лукожев добавляет, что в период создания централизованного Московского государства в XIV–XVII веках возник розыскной процесс («сыск»), действовавший параллельно с обвинительным, и многие исследователи называют его «следственным или инквизиционным, где, в соответствии с Судебником 1497 г. и Судебником 1550 г. Ивана IV, розыск применялся по государственным преступлениям, убийствам и разбоям» [23, с. 3], с обязательным представлением приоритетных письменных доказательств, хотя обязанность доказывания вины все еще возлагалась на истца.

Авторы сходятся в том, что Соборное Уложение 1649 г. Алексея Михайловича укрепило розыскной порядок, «вытеснив остатки состязательного процесса, расширило и систематизировало правовую регламентацию института доказывания, впервые придав ему государственный статус, где процесс оставался закрытым для публики и сторон, а функции обвинения совмещались с судебскими, что делало ненужным представителей государственной власти для поддержки обвинения» [23, с. 3].

В эпоху абсолютизма Петр I усилил инквизиционно-розыскной процесс, введя систему законных доказательств в Воинском Уставе 1716 г., «заимствованную из саксонского права, с сохранением пыток и правил представления доказательств, где свидетелями могли быть только «добропорядочные и не лишенные чести», а в «Кратком изображении

процессов или судебных тяжб» 1716 г. судебное разбирательство получило дальнейшее развитие» [23, с. 3].

О.Г. Ковалев и Н.В. Семенова подчеркивают, что важным этапом стало создание в 1722 г. органов прокуратуры посредством введения должности генерал-прокурора по Указу 27 февраля 1722 г., где прокуратура выступала «оком государевым», занимаясь надзором за исполнением законов и контролем за сенатом и судами, а Уложение 1767 г. возложило на прокуроров «государственное преследование преступлений», включая организационные меры обвинения, хотя прокуратура еще не была органом государственного обвинения в суде [18, с.2].

При розыскной форме функции обвинения возлагались на представителей суда, а институт государственного обвинения мог возникнуть только в состязательном процессе, где, «противно человеческой природе ожидать, чтобы одно и то же лицо было и обвинителем, и защитником обвиняемого и судьей в одно и то же время» [17, с.2].

Буржуазные реформы второй половины XIX века радикально изменили ситуацию. Так, в Основных положениях судебной реформы 1862 г. предусматривалось поручение обвинения органам прокурорского надзора, а в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., утвержденном Александром II, процесс стал публичным, с состязательным разбирательством, где прокурор поддерживал государственное обвинение, но только если убежден в достаточности оснований, и мог отказаться от обвинения по совести, в соответствии со ст. 740, где было указано, что «если прокурор в ходе судебного следствия найдет оправдания подсудимого уважительными, он обязан, не поддерживая обвинительного акта, опровергнутого судебным следствием, заявить о том суду по совести» [23, с.3].

Реформа наделила прокурора исключительным правом уголовного преследования, поддержания обвинения на основе личного убеждения, с возможностью прекращения обвинения при выявлении оправдательных оснований, что отразило принципы гласности, состязательности и

равноправия сторон по ст. 630 Устава, где было указано, что «прокурор или частный обвинитель, с одной стороны, и подсудимый или его защитник – с другой, пользуются в судебном состязании одинаковыми правами» [13, с. 3].

Перераспределение полномочий не лишило прокурора надзорной сущности, он давал заключения по законности, опротестовывал решения в интересах подсудимого, что создало российский тип обвинителя. «Основные черты слагавшегося русского типа обвинителя были... спокойствие, отсутствие личного озлобления против подсудимого, опрятность приемов обвинения... и, наконец, что весьма важно, полное отсутствие лицедейства в голосе, в жесте и в способе держать себя на суде» [23, с.2].

После смерти Александра II в 1881 г. прокуратура эволюционировала в репрессивно-карательный орган, с учреждением комиссии под руководством Н.В. Муравьева для усиления надзора, что привело к фальсификациям и насилию до 1917 г.

В первые годы советской власти обвинение осуществлялось по Уставу 1864 г., если не противоречило революционным устоям, но Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» упразднил органы империи, а поддержание обвинения могли осуществлять граждане с репутацией по Инструкции о революционном трибунале.

С 1918 г. Декрет СНК «О Революционных трибуналах» создал коллегии обвинителей при трибуналах, формулирующие и поддерживающие обвинение, а Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О Народном Суде» закрепил, что «государственное обвинение поддерживается обвинителями, состоящими при отделах юстиции и назначаемыми исполнительными комитетами» [13, с.3].

После упразднения органов вопрос о надзоре и обвинении решался СНК и ВЦИК, но Положение о прокурорском надзоре от 28 мая 1922 г. восстановило прокуратуру как самостоятельный орган [17, с. 4].

В УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. прокурор оставался стороной обвинения, осуществляя преследование и надзор, включая представления о нарушениях

судьи, но УПК РСФСР 1960 г. изменил статус, сделав участие прокурора необязательным, где суд мог взять функцию обвинения, а прокурор реализовывал надзор за законностью, фактически контролируя суды, как закреплено в Законе о прокуратуре СССР от 30 ноября 1979 г. [13, с. 4].

После распада СССР Концепция судебной реформы РСФСР 1991 г. ограничила надзор прокуратуры за судом, оставив уголовное преследование и обвинение, что отразилось в УПК РФ 2001 г., где, по ст. 37, прокурор поддерживает обвинение обязательно по всем делам, кроме частного, а суд пассивен, как в англосаксонской системе, привлекая помощников прокурора, но с Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ участие прокурора или помощников стало обязательным, исключая следователей и дознавателей. Уголовное преследование развивалось параллельно с надзором, сохраняя самостоятельность, а современный институт характеризуется равнозначностью преследования и надзора, с гарантией независимости суда.

О.Г. Ковалев и Н.В. Семенова отмечают, что «с принятием в 1994 г. Концепции судебной реформы, с учетом положений, закрепленных в Законе «О прокуратуре Российской Федерации» 1992 г., можно утверждать что начал реализовываться принципиально новый этап развития отечественного института государственного обвинения. Особенно после принятия в 2001 г. нового уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, законодательно были закреплены принципы равноправия и состязательности сторон, гарантировано обвиняемым и подозреваемым, как участникам уголовного процесса, права на защиту. Таким образом, развитие и совершенствование института государственного обвинения в настоящее время характеризуются тем, что органы прокуратуры, на которые возложена функция государственного обвинения, реализуют в судебном разбирательстве функцию уголовного преследования, рассматриваемую законодателем равнозначной надзорной функции прокуратуры. Кроме того, гарантируется независимость органов судебной власти от других участников судопроизводства» [18, с. 4].

Таким образом, становление и развитие роли прокурора по поддержанию государственного обвинения в российском уголовном судопроизводстве отражает эволюцию от частно-искового характера обвинения к публичному, государственному институту, ориентированному на защиту общественных интересов.

1.2 Понятие и функция государственного обвинителя в уголовном судопроизводстве РФ

Законодатель чётко определяет статус государственного обвинителя как представителя стороны обвинения, действующего от имени государства исключительно в пределах судебной стадии уголовного процесса.

Согласно ч. 6 ст. 5 УПК РФ, государственным обвинителем признаётся должностное лицо органа прокуратуры, осуществляющее функцию поддержания обвинения в суде. Данное положение согласуется с нормой ч. 1 ст. 35 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», которая прямо указывает, что прокурор, выступающий в суде, реализует функцию уголовного преследования именно в качестве государственного обвинителя.

По мнению А.К. Ковальчук «основная задача государственного обвинителя – это реализация обязанности доказывания виновности подозреваемого или обвиняемого в совершении данного преступления. Публичное уголовное преследование осуществляется в тех случаях, когда опасность совершенных преступлений расценивается государством как более высокая по сравнению с делами частного обвинения» [19].

А.П. Петров полагает, что задача государственного обвинителя – «тщательно проверить в ходе судебного следствия как ранее собранные по делу доказательства, так и впервые представленные в судебном заседании, на основании их оценки сформулировать объективный вывод. Поэтому качественное выполнение задач судебного разбирательства дела во многом зависит от подготовленности прокурора к участию в процессе» [30, с. 18]. При

этом автор отмечает, что «поддержание государственного обвинения в суде – это деятельность, осуществляемая процессуальным участником судебного заседания – государственным обвинителем – прокурором соответствующей прокуратуры. В его функции входит выдвижение и обоснование перед судом требования о привлечении к уголовной ответственности виновных, совершивших общественно опасное деяние, убеждение судей в законности, справедливости и обоснованности данного требования» [30, с. 18].

В.М. Харзинова считает, что «государственное обвинение, занимая существенную долю в деятельности прокуратуры, необходимо рассматривать с точки зрения функции сотрудника прокуратуры, как одно из основных направлений деятельности» [45].

Е.Г. Шадрина отмечает, что «уголовно-процессуальная деятельность государственного обвинителя затрагивает права и законные интересы граждан, а в случаях, установленных законом, приводит к их ограничению. Поэтому все его процессуальные действия и решения должны соответствовать закону, принципам и нормам этики, охране авторитета государственной власти и ее представителей. Выполнение им государственных обязанностей предопределяет повышенную ответственность перед обществом» [46, с. 179]. Согласно словам автора, все процессуальные действия обвинителя должны быть тщательно согласованы с законом, а также соответствовать принципам этики, что указывает на необходимость соблюдения высоких моральных стандартов в его работе. Кроме того, подчёркивается, что деятельность прокурора влияет на авторитет государственной власти, и в силу этого прокурор несёт повышенную ответственность перед обществом за свои решения и действия.

По определению З. Ш. Гатаулина, «государственное обвинение – это обвинение, сформулированное и предъявленное лицу органом расследования, но санкционированное прокурором как главой обвинительной власти» [9, с. 106].

Наиболее полным представляется определение понятия поддержания государственного обвинения, данное Н.П. Кирилловой, которая понимает под ним «форму реализации уголовного преследования, заключающуюся в законной деятельности государственного обвинителя на основе предоставленных ему в процессе доказывания процессуальных полномочий по изобличению подсудимого в совершении преступления, обоснованию обвинительного тезиса и формулированию позиции по вопросам, подлежащим разрешению судом» [15, с. 5].

Более конкретными, раскрывающими содержание и специфику деятельности государственного обвинителя представляются принципы, обозначенные Е.Р. Ергашевым:

- «принцип содействия прокурора в осуществлении правосудия, заключающийся в квалифицированном поддержании государственного обвинения;
- принцип диспозитивности, согласно которому правовые средства (действия) прокурора, применяемые при осуществлении им деятельности по участию в рассмотрении судами дел, носят неимперативный характер для суда;
- принцип опосредованности – любые действия прокурора, участвующего в рассмотрении дела, осуществляются с разрешения суда;
- принцип обязательного участия прокурора в рассмотрении судами уголовных дел» [8, с. 23].

Заслуживает поддержки мнение Н.В. Булановой «о необходимости указания принципов публичности и процессуальной самостоятельности в числе принципов, характеризующих участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами. Так, государство наделило прокурора правом выступать в суде от его имени, выражая публичный интерес, а одной из форм выражения публичного интереса является поддержание государственного обвинения в суде. Считая принцип процессуальной самостоятельности одной

из основных гарантий, способствующей организации деятельности по поддержанию государственного обвинения в соответствии с назначением уголовного процесса, и исходя из того, что никакое давление на государственного обвинителя или вмешательство в его деятельность недопустимы, полагаем необходимым закрепить данный принцип в УПК РФ» [7, с. 74].

Таким образом, государственный обвинитель является не просто представителем прокуратуры, а специально уполномоченное лицо, наделённое правом выступать в суде от имени государства с целью осуществления публичного обвинения. Такое нормативное закрепление подчёркивает его исключительную роль в обеспечении законности и справедливости судебного разбирательства. На этот счет С.А. Щемеров высказался следующим образом: «прокурор является главой обвинительной власти, его активность должна быть мотором публичного уголовного преследования» [47, с. 56].

Роль и функции государственного обвинителя в уголовном судопроизводстве выходит далеко за рамки простого представления обвинения. Она предполагает активное участие в обеспечении законности, защите общественных интересов и поддержании баланса между наказанием виновных и соблюдением их прав. В одном из дел, рассмотренных Судебной коллегией по уголовным делам Оренбургского областного суда, государственный обвинитель сыграл ключевую роль в восстановлении справедливости. Речь идёт о случае, когда 59-летний мужчина попытался дать взятку в размере 15 тыс. рублей сотруднику ГИБДД, чтобы избежать ответственности за управление автомобилем в состоянии опьянения. Попытка не удалась, так как полицейский отказался от взятки и сообщил о преступлении. Суд первой инстанции признал мужчину виновным, назначив штраф в 100 тыс. рублей, но одновременно переквалифицировал преступление с тяжкого на средней тяжести и прекратил уголовное дело на основании деятельного раскаяния виновного. Такое решение, на первый взгляд, могло

показаться компромиссным, однако оно вызвало серьёзные вопросы с точки зрения соразмерности наказания и общественной значимости борьбы с коррупцией.

Государственный обвинитель, в лице прокурора Новоорского района, проявил принципиальную позицию, не согласившись с решением суда. Его апелляционное представление было направлено на устранение того, что он счёл несправедливым: прекращение уголовного дела за деятельное раскаяние. Прокурор аргументировал, что подобное решение не соответствует тяжести коррупционного преступления, даже если оно осталось в стадии покушения. Его доводы подчёркивали необходимость строгого подхода к таким правонарушениям, чтобы не только наказать виновного, но и предотвратить подобные инциденты в будущем. Апелляционный суд поддержал позицию обвинителя, отменив прекращение дела и сохранив назначенный штраф, что стало примером успешного обжалования и восстановления справедливого подхода к наказанию.

Таким образом, прокурор не ограничился формальным участием в судебном разбирательстве, а использовал свои полномочия для обжалования решения, которое могло подорвать доверие к правосудию. Его действия демонстрируют, что государственный обвинитель выступает не только как сторона обвинения, но и как гарант соблюдения принципов законности и соразмерности наказания [28].

Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» устанавливает, что «прокуратура Российской Федерации выполняет свои функции независимо от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений» (ч. 1 ст. 4) [33], что гарантирует свободу прокурора от внешнего вмешательства при поддержании обвинения. Данная норма обязывает государственного обвинителя принимать решения, основанные исключительно на нормах права и фактических

обстоятельствах дела, исключая влияние иных государственных структур или участников процесса.

Процессуальная самостоятельность обвинителя, вытекающая из положений УПК РФ, позволяет ему независимо оценивать доказательства и отказываться от обвинения, если оно не подтверждено материалами дела. Такой подход обеспечивает соблюдение закона и защиту общественных интересов без давления со стороны следственных органов. Законодательство подчёркивает, что прокурор действует как автономный субъект, руководствуясь принципами объективности и беспристрастности, что исключает предвзятость в представлении обвинения [36].

Международные акты подтверждают значимость независимости обвинителя. Ст. 14 «Международного пакта о гражданских и политических правах» гласит: «Каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом» (п. 1) [24], что распространяется на всех участников процесса, включая обвинителя, обеспечивающего законность обвинения. Аналогично, ст. 6 «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» требует, чтобы судебное разбирательство проводилось «независимым и беспристрастным судом» (п. 1) [20], подразумевая отсутствие внешнего влияния на обвинителя, чья деятельность должна опираться на объективные доказательства. Перечисленные нормы закрепляют обязанность прокурора действовать без давления со стороны органов власти или иных сторон, гарантируя справедливость процесса.

Таким образом, государственный обвинитель как участник производства в суде первой инстанции реализует функцию обвинения через комплекс прав и обязанностей, направленных на доказывание виновности лица в совершении преступления, где эта функция проявляется в деятельности по формулированию и обоснованию обвинительного тезиса перед судом на основе исследованных доказательств в условиях состязательности сторон,

обеспечивая тем самым разрешение вопроса о виновности или невиновности в центральной стадии уголовного судопроизводства. Функция обвинения тесно переплетается с уголовным преследованием, которое включает в себя избрание подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления и осуществляется прокурором как на досудебных этапах через надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, так и в судебных стадиях путем поддержания государственного обвинения, где прокурор выступает представителем государства, формулируя и отстаивая позицию обвинения с учетом принципов законности и состязательности.

«В научной литературе функция обвинения, возложенная на прокурора, не вызывает сомнений. В остальном, авторы, наряду с поддержанием государственного обвинения, отмечают правообеспечительную, профилактическую и правос воспитательную функции; надзорную функцию и функцию предъявления и поддержания гражданского иска в защиту публичного интереса, функцию воспитания граждан в духе уважения к закону и предупреждения преступлений» [32, с. 130].

В заключении первой главы исследования можно сделать вывод, что государственный обвинитель является самостоятельным и ключевым участником уголовного судопроизводства, от которого во многом зависит достижение целей правосудия. Исследование показало, что нормативная база, включая УПК РФ и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», в целом детально регламентирует полномочия и функции государственного обвинителя, однако в ряде аспектов, особенно касающихся отказа от обвинения, законодательство остаётся фрагментарным и недостаточно конкретизированным. Вопросы подготовки прокуроров, их активной роли в суде, а также их умения профессионально оперировать доказательствами, также требуют внимания.

Глава 2 Полномочия и особенности участия государственного обвинителя в судебном разбирательстве

2.1 Участие государственного обвинителя в подготовительной стадии судебного разбирательства

Полномочия государственного обвинителя в Российской Федерации регулируются рядом федеральных законов, среди которых основными являются УПК РФ и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации». Данные нормативно-правовые акты устанавливают юридические рамки для деятельности прокурора как государственного обвинителя, определяют его функции, полномочия и обязанности, а также гарантируют независимость прокурора в осуществлении уголовного преследования.

Участие государственного обвинителя в подготовительной стадии судебного разбирательства представляет собой процесс, где прокурор, выступая от имени государства, способствует созданию условий для надлежащего рассмотрения дела по существу. В соответствии со ст. 35 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», «прокурор участвует в рассмотрении дел судами в случаях, предусмотренных процессуальным законодательством Российской Федерации и другими федеральными законами» [44], а «осуществляя уголовное преследование в суде, прокурор выступает в качестве государственного обвинителя» [44].

В УПК РФ подробно определяются полномочия государственного обвинителя в ходе уголовного процесса. Ч. 2 ст. 246 УПК РФ определяет, что участие государственного обвинителя обязательно в судебном разбирательстве уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения, а также при разбирательстве уголовного дела частного обвинения, если уголовное дело было возбуждено следователем либо дознавателем с согласия прокурора [43].

Е.Г. Шадрина отмечает, что «Уголовно-процессуальный кодекс РФ (предоставляет государственному обвинителю широкий простор субъективного усмотрения при принятии решений, касающихся обвинения. В частности, именно прокурор принимает решение о возбуждении государственного обвинения, об изменении обвинения или отказе от его поддержания полностью или в части.

В соответствии с принципом состязательности (ст. 15 УПК РФ) решения государственного обвинителя по реализации его права на распоряжение обвинением, затрагивающие права и законные интересы обвиняемого и потерпевшего, обязательны для суда. Свобода его действий в данном контексте ограничена лишь правовыми предписаниями УПК РФ (ст. 17) и совестью» [46, с. 178].

Подготовительная стадия, регламентированная главой 36 УПК РФ, включает комплекс организационных мероприятий, направленных на проверку условий для начала судебного следствия, таких как проверка явки участников, разъяснение прав, разрешение отводов и ходатайств, что позволяет избежать нарушений и обеспечить принципы состязательности и равноправия сторон. Важность этой стадии заключается в том, что она закладывает основу для всего судебного разбирательства, предотвращая формальные ошибки и гарантируя защиту интересов общества и государства [25].

М.В. Овчарова подчеркивает, что подготовительная часть судебного заседания является «важным этапом судебного разбирательства, способствующим проведению последующего судебного разбирательства в соответствии с уголовно-процессуальным законом» [29, с. 138], где реализуется «комплекс мероприятий организационного характера, направленный на обеспечение надлежащего проведения судебного разбирательства» [29, с. 138], включая открытие заседания, проверку явки, установление оснований для участия лиц, разъяснение прав и обеспечение доказательств. Автор акцентирует внимание на активной роли

государственного обвинителя, который должен «при необходимости заявлять различные ходатайства и выражать свое отношение к ходатайствам других участников процесса» [29, с. 139], мотивируя их, чтобы избежать затягивания процесса и обеспечить соблюдение принципа состязательности, в частности, наблюдая за явкой участников со стороны защиты и обвинения, как предусмотрено ст. 262 УПК РФ, которая гласит, что «секретарь судебного заседания докладывает о явке лиц, которые должны участвовать в судебном заседании, и сообщает о причинах неявки отсутствующих» [43].

Автор также приводит пример, где при неявке подсудимого государственный обвинитель заявил ходатайство о приводе, что привело к отложению заседания, подчеркивая, что прокурор «должен своевременно реагировать на возникающие ситуации, которые могут каким-либо образом помешать рассматривать дело по существу» [29, с. 140], в соответствии со ст. 272 УПК РФ, позволяющей суду выносить определение об отложении или продолжении разбирательства.

А.В. Клименко рассматривает проблемы участия прокурора в подготовительной части, отмечая, что «цель стадии подготовки дел к судебному разбирательству заключается в обеспечении правильности и своевременности рассмотрения и разрешения дела судом», где государственный обвинитель выполняет «уголовно-процессуальные полномочия обеспечительного характера по узловым направлениям в строгом их соответствии в определённом законом порядке» [17, с. 4].

Е.Р. Ергашев утверждает, что «органы прокуратуры должны обеспечивать обязательное участие прокурора на предварительном слушании, поскольку бремя опровержения доводов защиты о недопустимости доказательств в большинстве случаев лежит на прокуроре» [12, с. 25], и подчеркивает, что «в подготовительной части прокурор вправе заявлять ходатайства о приобщении документов, истребовании доказательств, допросе свидетелей, вызове новых экспертов и признании допустимыми ранее исключенных доказательств» [12, с. 25], что соответствует части 1 ст. 271

УПК РФ, которая гласит, что «стороны вправе заявить ходатайства о вызове новых свидетелей, экспертов и специалистов, об истребовании вещественных доказательств и документов или об исключении доказательств, полученных с нарушением требований настоящего Кодекса» [43].

А.В. Клименко также затрагивает специфику особого порядка, где «сущность особого порядка принятия судебного решения заключается в том, что введена упрощенная процедура, при которой процессуальная экономия достигается путем отказа от судебного разбирательства и установления фактических обстоятельств, а приговор основывается на материалах предварительного следствия» [17, с. 4], и государственный обвинитель может возражать против особого порядка до начала следствия, если не соблюдены условия, формулируя позицию в части 3 статьи 316 УПК РФ.

Развивая идею о совершенствовании процессуального положения прокурора, А.В. Спирин аргументирует, что подготовительная часть «предназначена для создания и проверки условий надлежащего отправления правосудия» [30, с. 7], где государственный обвинитель проявляет активность в разрешении вопросов, таких как установление личности подсудимого по части 1 ст. 265 УПК РФ, которая гласит, что «после объявления состава суда председательствующий выясняет у каждого из подсудимых, понятно ли ему обвинение, и спрашивает подсудимых, желают ли они высказать свое отношение к предъявленному обвинению» [41, с. 7], и разъяснение права отвода по части 1 ст. 266 УПК РФ.

А.В. Спирин подчеркивает необходимость высказывания мнения по ходатайствам об исключении доказательств, аналогично процедуре по ст. 235 УПК РФ, предлагая дополнить часть 1 ст. 271 УПК РФ нормой: «При рассмотрении ходатайства об исключении доказательства, заявленного стороной защиты на том основании, что доказательство было получено с нарушением требований настоящего Кодекса, бремя опровержения доводов, представленных стороной защиты, лежит на государственном обвинителе. В остальных случаях бремя доказывания лежит на стороне, заявившей

ходатайство» [41, с. 7], чтобы избежать превращения подготовительной части в судебное следствие.

Автор также обсуждает ходатайства об изменении меры пресечения или возвращении дела прокурору, цитируя В.Ф. Крюкова, который считает, что прокурор обладает правами заявлять ходатайства о «принятии дополнительных мер к вызову участников судебного разбирательства; назначении судебной экспертизы; дополнении материалов уголовного дела; допросе явившегося свидетеля или специалиста; отводах и самоотводе; изменении или избрании подсудимому меры пресечения; возвращении дела прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом и др.» [41, с. 7], что усиливает позицию обвинения.

А.Ф. Ишембитов и Э.Р. Галимов фокусируются на деятельности государственного обвинителя при подготовке, подчеркивая, что «подготовительная часть судебного заседания имеет организационно-распорядительный характер, поскольку состоит из комплекса процессуальных действий, связанных с проверкой наличия оснований для рассмотрения уголовного дела по существу в назначенное время, на обеспечение прав и интересов участников процесса и на создание условий для полного и всестороннего исследования обстоятельств дела» [14, с. 4].

Авторы выделяют задачи прокурора, включая «способствование тому, чтобы не была нарушена предусмотренная УПК процедура и судом были приняты законные и обоснованные решения на этом этапе судебного разбирательства; обеспечение соблюдения прав и законных интересов участников процесса, прежде всего потерпевших и подсудимых; нейтрализации действий защитника, других участников, предпринимаемых с целью создать те или иные не предусмотренные законом препятствия к рассмотрению уголовного дела по существу» [14, с. 4], и предлагают исключить право сторон заявлять в подготовительной части ходатайства о признании доказательств недопустимыми, поскольку «данные вопросы должны быть разрешены на предварительном слушании» [14, с. 4]. Авторы

подчеркивают роль прокурора в проверке явки, включая услуги переводчика по ст. 18 УПК РФ, и индивидуальный подход к отсутствию свидетелей или потерпевших, где «к решению вопроса о начале судебного заседания в отсутствие свидетелей или потерпевших следует подходить в каждой конкретной ситуации индивидуально, поскольку невозможно определить единые критерии, которые можно было бы использовать по любому уголовному делу при решении указанного вопроса» [14, с. 4], в соответствии со ст. 272 УПК РФ [43]. Авторы также отмечают, что прокурор высказывает мнение по ходатайствам, задавая уточняющие вопросы для получения информации, и обеспечивает явку участников со стороны обвинения, подчеркивая, что «государственные обвинители в исключительных случаях могут высказать негативное мнение по поводу заявленных стороной защиты ходатайств, но обоснованные ходатайства не должны вызывать отрицательной реакции, поскольку цель - установление истины» [14, с. 4].

Государственный обвинитель должен действовать не только в интересах обвинения, но и в соответствии с требованиями правосудия, сокращая возможности для ошибки или неправомερных решений. Д.С. Сазин утверждает, что ошибки государственных обвинителей при поддержании обвинения являются не исключением, а довольно частым явлением в практике уголовного судопроизводства. Автор объясняет, что эти ошибки зачастую связаны с недостаточной профессиональной подготовкой обвинителя, его пассивной позицией, а также с недостаточной проработанностью доказательств. Проблемы, такие как недостаток или несоответствие доказательств, неумелое их предъявление в суде, могут существенно ослабить обвинение и повлиять на исход дела [38, с. 75].

Анализ решений судов кассационной и надзорной инстанций подтверждает эту точку зрения, демонстрируя, что ошибки в поддержании обвинения часто становятся основанием для отмены приговора или для вынесения новых решений, что свидетельствует о наличии серьезных проблем в профессиональной подготовке прокуроров и в организации работы

обвинения и указывает на необходимость повышения уровня профессиональной подготовки прокуроров, улучшения их компетенций в области доказательств и активного участия в судебном процессе.

Одной из наиболее распространенных ошибок является копирование уже составленных постановлений о привлечении в качестве обвиняемого. Для экономии времени и упрощения работы следователи иногда переносят данные из старых постановлений, что может привести к серьезным ошибкам.

Примером этого является случай, когда в постановлении о привлечении в качестве обвиняемых С. и Ш. была указана фамилия потерпевшей Медведева в вводной части документа, а в описательной части появилась фамилия Сокол. Следователь не заменил фамилию потерпевшей при копировании, что привело к вынесению нового постановления о технической ошибке и показывает, как небрежное отношение к документам может повлиять на процессуальные действия, создавая путаницу.

Еще одной частой ошибкой является недостаточная работа с имущественным ущербом, причиненным преступлением. Например, в деле о грабеже была неправильно квалифицирована сумма ущерба как «значительная», так как следствие не установило имущественное положение потерпевшего. Установление этого признака имеет значение для квалификации преступления и назначения наказания, поскольку для признания ущерба значительным необходимо учитывать не только стоимость похищенного имущества, но и материальное положение потерпевшего. В случае с В. и его кражей телефона стоимостью 4643 рубля, суд исключил квалификацию преступления как «значительный ущерб», так как не были учтены доходы потерпевшего.

В некоторых случаях обвинение неверно определяет признаки преступления. Например, в одном из дел не было ясно, является ли организация банком или иной кредитной организацией. Ошибка была внесена в обвинение и перенесена в приговор, что впоследствии привело к изменению приговора в апелляции. Ошибки в классификации объектов преступления или

добавление ненужных признаков могут привести к неоправданным оправдательным приговорам или необходимости возвращения дела прокурору.

Ошибки, возникающие из-за небрежности или недостаточной проработки документов, могут существенно осложнить судебный процесс и затруднить установление фактов.

Вместе с тем стоит подчеркнуть важность профессионализма прокуроров, их активной позиции и способности убедительно представлять доказательства, а также необходимость тщательной оценки доказательств судом.

К примеру, приговор Шадринского районного суда Курганской области № 1-12/2021 1- 393/2020 от 18 июня 2021 г. по делу № 1-271/2020. В данном уголовном деле Шадринский районный суд Курганской области рассматривал обвинение «КМА» в совершении убийства «МЗА» на почве личных неприязненных отношений. Согласно обвинению, «КМА» нанес потерпевшей несколько ударов твердым тупым предметом по голове, а затем попытался удушить её бельевым шнуром и электрическим проводом, что привело к смерти потерпевшей.

Однако в ходе судебного разбирательства суд пришел к выводу о непричастности «КМА» к совершению убийства. Доказательства, представленные стороной обвинения, не позволили установить его вину. Показания свидетелей, а также показания обвиняемого, который отрицал свою причастность, не были опровергнуты. Некоторые свидетельства и данные о месте происшествия указывали на сомнения в версии обвинения. Например, эксперты не смогли установить генетическое совпадение между «КМА» и местами преступления, что также ставило под сомнение его участие в убийстве [33].

В результате, несмотря на обвинения, суд признал «КМА» невиновным в совершении убийства «МЗА», отметив, что обвинение не смогло предоставить достаточные доказательства его вины. В качестве

государственных обвинителей принимали участие старшие помощники прокурора, которые приняли неубедительное и пассивное участие, что привело к тому, что суд принял оправдательный приговор, что подчеркивает также необходимость тщательной оценки доказательств судом, что в данном случае не было достигнуто.

При этом В.С. Балакшин отмечает, что «дело не только в слабой подготовке государственных обвинителей, некотором настрое представителей судейского корпуса дистанцироваться при рассмотрении уголовных дел от активного участия в исследовании доказательств. Дело, прежде всего, в методологических просчетах, допущенных разработчиками проекта УПК РФ, ставшего затем законом, и сохраняющихся до настоящего времени. Причем просчетах очевидных и даже в отдельных случаях желаемых, поскольку они устраивали западных консультантов и экспертов» [4].

Таким образом, участие государственного обвинителя в подготовительной стадии ориентировано на обеспечение доказательственной базы и защиту прав участников. Анализ судебной практики подтверждает, что ошибки обвинителей нередко становятся основанием для отмены приговоров и свидетельствуют о необходимости совершенствования их подготовки, а также системной работы по обеспечению качества обвинительной деятельности.

2.2 Участие государственного обвинителя на стадии судебного следствия

Участие государственного обвинителя на стадии судебного следствия в уголовном судопроизводстве Российской Федерации представляет реализацию функции обвинения, где прокурор, выступая от имени государства, активно представляет и исследует доказательства, обеспечивая доказанность вины подсудимого и способствуя вынесению законного приговора в условиях состязательности сторон.

Ст. 246 УПК РФ закрепляет следующие полномочия государственного обвинителя в ходе уголовного судопроизводства:

- представляет доказательства и участвует в их исследовании, излагает суду свое мнение по существу обвинения, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства, высказывает суду предложения о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания;
- если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. [43].

М.В. Овчарова акцентирует внимание на роли государственного обвинителя в обеспечении доказательственной базы во время судебного следствия, отмечая, что «в подготовительной стадии, предшествующей следствию, прокурор уже закладывает основу для исследования, заявляя ходатайства о вызове свидетелей и истребовании доказательств, но именно на следствии он представляет доказательства и участвует в их исследовании» [29, с. 139], чтобы избежать нарушений принципа состязательности и обеспечить объективность. Автор подчеркивает, что «обвинитель должен реагировать на неявку участников, заявляя о приводе или отложении, как в случае, когда государственный обвинитель заявил ходатайство о приводе подсудимого» [29, с. 139], что напрямую влияет на полноту исследования доказательств в следствии, где прокурор гарантирует явку свидетелей со стороны обвинения для их допроса.

А.В. Клименко фокусируется на доказывании как ключевой функции обвинителя на следствии, где прокурор «обладает процессуальными средствами восполнения доказательственной базы по делу путем заявления ходатайств, таких как приобщение к делу имеющихся у него документов и предметов; об истребовании вещественных доказательств и документов; допрос явившихся в заседание по его инициативе свидетелей и специалистов;

вызов в заседание новых свидетелей, экспертов, специалистов; о признании допустимыми исключенных ранее доказательств", в соответствии с частью 1 статьи 271 УПК РФ [17, с. 4].

А.В. Клименко также ссылается на Е.Р. Ергашева, утверждающего, что «органы прокуратуры должны обеспечивать обязательное участие прокурора на предварительном слушании, поскольку бремя опровержения доводов защиты о недопустимости доказательств в большинстве случаев лежит на прокуроре» [17, с. 4], что продолжается в следствии, где обвинитель опровергает недопустимость, участвуя в исследовании для подтверждения вины.

А.Ф. Ишембитов и Э.Р. Галимов подчеркивают, что на следствии обвинитель обеспечивает исследование доказательств, включая допросы и экспертизы, где «государственный обвинитель, изучив материалы уголовного дела, если по делу не проводилось предварительное слушание, либо ознакомившись с ситуацией по уголовному делу по результатам предварительного слушания, должен заранее сформулировать свою позицию о необходимости заявления ходатайств о дополнительных доказательствах», и предлагает исключить из следствия рассмотрение недопустимости доказательств, поскольку «данные вопросы должны быть разрешены на предварительном слушании» [14].

Т.В. Якушева, И.И. Якушев отмечают, что на следствии обвинитель готовит основу для прений, где «государственный обвинитель представляет доказательства и участвует в их исследовании», анализируя их для последующего обобщения, и подчеркивает, что в следствии прокурор косвенно проявляет позицию через вопросы и ходатайства, что требует тщательного исследования для обоснования вины» [48]. Авторы ссылаются на Рекомендации Совета Европы, где обвинители должны «обеспечивать применение права там, где нарушение закона влечет за собой уголовную санкцию, обязаны как честно, беспристрастно и объективно выполнять свои

обязанности» [48], что применяется в следствии для объективного допроса свидетелей.

Согласно ст. 246 УПК РФ «государственный обвинитель до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора может также изменить обвинение в сторону смягчения путем:

- исключения из юридической квалификации деяния признаков преступления, отягчающих наказание;
- исключения из обвинения ссылки на какую-либо норму Уголовного кодекса Российской Федерации, если деяние подсудимого предусматривается другой нормой Уголовного кодекса Российской Федерации, нарушение которой вменялось ему в обвинительном заключении или обвинительном акте;
- переквалификации деяния в соответствии с нормой Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей более мягкое наказание» [43].

Исключение признаков преступления, отягчающих наказание, означает, что государственный обвинитель может исключить из обвинения те элементы деяния, которые придают ему более тяжкую квалификацию и, следовательно, увеличивают наказание.

Исключение ссылок на более строгую норму УК РФ предполагает, что прокурор может предложить суду изменить квалификацию деяния, исключив из обвинения ссылку на более строгую норму УК РФ, если фактические обстоятельства дела позволяют применить более мягкую статью.

К примеру, приговор № 1-149/2024 от 27 февраля 2024 г. по делу № 1-149/2024 Нахимовского районного суда, который демонстрирует, как государственный обвинитель реализует свои функции, корректируя обвинение для обеспечения справедливого правосудия.

Обвиняемый, действуя с умыслом на незаконное приобретение наркотического средства без цели сбыта, приобрёл производное N-метилэфедрона (а-PVP) массой 0,482 г через тайник-закладку. Преступление

было пресечено, так как при виде сотрудников полиции обвиняемый выбросил свёрток, который был изъят в ходе осмотра места происшествия. Обвиняемый признал вину, заявил ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке, что соответствовало положениям главы 40 УПК РФ. Орган дознания квалифицировал деяние по ч. 1 ст. 228 УК РФ как незаконное приобретение и хранение наркотических средств в значительном размере.

Государственный обвинитель в судебных прениях предложил исключить из обвинения квалифицирующий признак «хранение», мотивируя это отсутствием доказательств фактического владения наркотиком. Согласно материалам дела, обвиняемый выбросил свёрток сразу после извлечения из закладки, что исключало умысел на хранение. Ссылаясь на ст. 73 УПК РФ, требующую доказывания всех обстоятельств преступления, обвинитель обосновал избыточность первоначальной квалификации. Суд согласился с позицией обвинителя, исключив признак «хранения» и квалифицировал деяние исключительно как незаконное приобретение по ч. 1 ст. 228 УК РФ. В соответствии со ст. 246 и ст. 254 УПК РФ, частичный отказ обвинителя от обвинения в сторону смягчения был принят судом, что не нарушило прав обвиняемого и соответствовало ст. 252 УПК РФ.

С учётом смягчающих обстоятельств, суд назначил наказание в виде штрафа в размере 15000 рублей, что соразмерно тяжести преступления и имущественному положению обвиняемого. Действия государственного обвинителя обеспечили точную юридическую квалификацию, исключив необоснованное ужесточение обвинения, что особенно значимо в условиях особого порядка, где отсутствие полноценного разбирательства повышает риск процессуальных ошибок.

Данный случай подчёркивает контрольную функцию государственного обвинителя в обеспечении законности. Его вмешательство предотвратило ошибочную квалификацию, гарантировав соответствие обвинения фактическим обстоятельствам [34].

Переквалификация деяния в соответствии с нормой УК РФ предполагает, что деяние подсудимого, первоначально квалифицированное по одной статье УК РФ, может быть переквалифицировано по другой статье, предусматривающей менее строгое наказание. К примеру, приговор № 1-62/2024 от 28 февраля 2024 г. по делу № 1-62/2024 Нефтекамского городского суда.

Анализ дела демонстрирует, как государственный обвинитель реализует свои функции, корректируя обвинение для обеспечения правильной юридической оценки. Обвиняемая совершила 21 преступление, включая восемь мелких хищений (ст. 158-1 УК РФ), три кражи (ч. 1 ст. 158 УК РФ), семь мошенничеств (ч. 1 ст. 159 УК РФ), два мошенничества с причинением значительного ущерба (ч. 2 ст. 159 УК РФ) и покушение на мошенничество (ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 159 УК РФ). Преступления совершались с использованием обмана, в том числе фиктивных уведомлений об оплате, и тайного хищения в магазинах. Обвиняемая признала вину, заявив ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке в соответствии с главой 40 УПК РФ. Суд, с согласия государственного обвинителя, потерпевших и защитника, принял решение о применении особого порядка. Государственный обвинитель, участвуя в судебном разбирательстве, предложил переквалифицировать два эпизода, изначально квалифицированных органами следствия как мошенничество с использованием электронных средств платежа (ч. 1 и ч. 2 ст. 159-3 УК РФ), на мошенничество по ч. 1 и ч. 2 ст. 159 УК РФ. Обоснование заключалось в отсутствии доказательств использования электронных средств платежа: обвиняемая продемонстрировала потерпевшим фиктивные уведомления об оплате на экране телефона, что представляло собой способ обмана, но не использование платёжных инструментов в смысле ст. 159-3 УК РФ. Ссылаясь на п. 3 ч. 8 ст. 246 УПК РФ, обвинитель аргументировал необходимость смягчения квалификации, что не меняло фактических обстоятельств дела и не требовало дополнительного исследования доказательств. Суд согласился с позицией обвинителя, переквалифицировав деяния, что улучшило положение

обвиняемой, исключив более тяжкие составы преступлений, и соответствовало ст. 252 УПК РФ.

Роль государственного обвинителя также проявилась в поддержании гражданских исков потерпевших о возмещении материального ущерба на общую сумму свыше 80 тыс. рублей. Его позиция способствовала удовлетворению исковых требований в полном объёме, обеспечив восстановление имущественных прав потерпевших в соответствии с ч. 1 ст. 1064 ГК РФ. Суд, учитывая рецидив преступлений как отягчающее обстоятельство, смягчающие обстоятельства (признание вины, явки с повинной, содействие следствию, наличие малолетних детей), а также особый порядок, назначил обвиняемой наказание в виде 4 лет 6 месяцев лишения свободы со штрафом 15 тыс. рублей.

Действия государственного обвинителя обеспечили точную юридическую квалификацию деяний, исключив необоснованное применение более тяжких норм. Его вмешательство демонстрирует контрольную функцию в обеспечении законности, особенно в делах с множественными эпизодами, где ошибки в квалификации могут существенно повлиять на права обвиняемого [35].

По мнению А.К. Ковальчук, «вызывает сомнения полномочие государственного обвинителя изменить обвинение, поскольку при изменении прокурором обвинения в суде первой инстанции нуждаются в большей защите интересы потерпевшего» [19].

Так, А.А. Михайлов предлагает «обеспечить эти интересы посредством внесения в УПК РФ изменений, в соответствии с которыми суд при изменении прокурором обвинения должен выяснить мнение потерпевшего, и, если тот не согласен с данным решением прокурора, продолжить разбирательство уголовного дела в прежних пределах» [27, с. 143].

Часть 4 ст. 246 УПК РФ уточняет, что в случае необходимости прокурор может быть заменён другим прокурором, который должен получить время для ознакомления с материалами дела и подготовки к судебному разбирательству.

Замена прокурора не влечет повторения действий, но может повлечь повторение отдельных судебных действий по ходатайству нового прокурора. Данное положение важно для обеспечения непрерывности процесса и защиты прав обвиняемого, а также для исключения влияния изменений в составе обвинителей на ход судебного разбирательства [43].

По мнению М.И. Ажиевой, И.Д. Мальцагова, «отказ прокурора от обвинения, если рассматривать его в качестве процессуальной деятельности, является одним из основных убеждений как в недоказанности виновности, так и в невинности подсудимой стороны. Выражается отказ прокурора от обвинения в его же решении отказаться от обвинительной деятельности в отношении подсудимого как в некоторой части, так и полностью» [2].

Среди основных признаков отказа от государственного обвинения авторы выделяют:

- «отрицательное отношение к обвинению со стороны прокурора, а также отрицание обвинения в рамках судебного производства;
- публичное выражение такого отношения;
- прекращение обвинительной деятельности.

Субъект отказа от обвинений – прокурор, являющийся государственным обвинителем. Объектом же отказа является обвинение в материальном и процессуальном смыслах» [2].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 (ред. от 17.12.2024) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» уточнены отдельные аспекты отказа государственного обвинителя от обвинения. Так, указано, что в соответствии с частями 7 и 8 статьи 246 УПК РФ полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, а также изменение им обвинения в сторону смягчения определяют принятие судом решения в соответствии с позицией государственного обвинителя, поскольку уголовно-процессуальный закон исходит из того, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе принципа состязательности и равноправия сторон, а формулирование обвинения и его

поддержание перед судом обеспечиваются обвинителем. Вместе с тем государственный обвинитель в соответствии с требованиями закона должен изложить суду мотивы полного или частичного отказа от обвинения, равно как и изменения обвинения в сторону смягчения со ссылкой на предусмотренные законом основания. Суду надлежит рассмотреть указанные предложения в судебном заседании с участием сторон обвинения и защиты на основании исследования материалов дела, касающихся позиции государственного обвинителя, и итоги обсуждения отразить в протоколе судебного заседания. Судебное решение, принятое в связи с полным или частичным отказом государственного обвинителя от обвинения или в связи с изменением им обвинения в сторону смягчения, может быть обжаловано участниками судебного производства или вышестоящим прокурором в апелляционном или кассационном порядке [32].

Несмотря на это, многими авторами, в том числе В.В. Самокаевой, «выделяется проблема недостаточной регламентации института отказа государственного обвинителя от обвинения в уголовном процессе, а также связанный с этим вопрос о разграничении функций обвинения и надзора прокуратуры» [40]. Предлагаются различные точки зрения, отражающие сложность и многозначность этой темы. Первая точка зрения подразумевает представление государственного обвинения как проявление надзорной функции прокуратуры. В советский период государственное обвинение рассматривалось как часть надзорной функции прокуратуры. Согласно этому подходу, прокурор выполняет функции обвинителя, однако его деятельность при этом не ограничивается только поддержанием обвинения, а включает в себя и надзор за соблюдением законности. Такой взгляд остаётся актуальным для некоторых учёных, которые считают, что функции обвинения и надзора должны быть строго разграничены, особенно в судебном процессе.

Вторая точка зрения предполагает возможность совмещения этих двух функций. Прокурор может одновременно поддерживать обвинение и осуществлять надзор за законностью процесса. При этом отказ прокурора от

обвинения рассматривается как акт надзора – он обосновывает свой отказ, если обвинение не соответствует требованиям закона, что отражает роль прокурора как защитника законности, а не просто обвинителя. Данный взгляд поддерживают многие учёные, которые утверждают, что такой отказ является выражением надзорных полномочий прокурора.

Третья точка зрения вызывает наибольшее количество споров и привлекает внимание к роли прокурора в момент отказа от обвинения. В этой ситуации прокурор фактически становится противоположностью обвинителю и может рассматриваться как защитник. Данный факт создает противоречие, так как прокурор, выступающий с заявлением об отказе от обвинения, фактически выполняет действия, похожие на защиту интересов обвиняемого. Такое изменение процессуальной роли прокурора, особенно если его действия по отказу от обвинения схожи с ролью защитника, вызывает возражения у некоторых исследователей, в том числе у В.М. Савицкого. Он подчеркивает, что прокурор не может одновременно быть и обвинителем, и защитником, так как это нарушает принципы уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, В.В. Самокаева акцентирует внимание на отсутствии чётких процессуальных норм относительно отказа от обвинения. «В частности, нет требований к обязательному оформлению мотивов отказа в письменной форме или в виде отдельного процессуального акта, что может привести к недостаточной обоснованности судебного решения о прекращении уголовного дела. Некоторые авторы предлагают оформить отказ в виде отдельного постановления, что обеспечит ясность и структуру этого процесса» [40]. Проблему вызывает и возможное обжалование отказа прокурора от обвинения. В.В. Самокаева отмечает, что в случае ошибочного отказа обжалованию подлежит решение суда о прекращении уголовного дела, однако неясно, как именно будет происходить обжалование и кто будет решать вопросы, связанные с правомерностью отказа прокурора.

Также многими исследователями рассматривается проблема, связанная с правовой неопределенностью, возникающей из-за несоответствия норм УПК

РФ относительно отказа обвинителя от обвинения и прекращения уголовного дела.

Проблема возникает из-за несоответствия между положениями части 7 статьи 246 УПК РФ и частью 8 статьи 302 УПК РФ. В частности, в части 7 статьи 246 УПК РФ говорится, что отказ государственного обвинителя от обвинения может стать основанием для прекращения уголовного дела или уголовного преследования. Однако в части 8 статьи 302 УПК РФ указывается, что в случае отказа обвинителя от обвинения, суд должен вынести оправдательный приговор, если в ходе судебного разбирательства были обнаружены основания для прекращения дела, что создает правовую неопределенность: что должно быть вынесено судом в случае отказа обвинителя – постановление о прекращении уголовного преследования или оправдательный приговор. По мнению В.В. Самокаевой, «данное противоречие затрудняет правильное применение закона в судебной практике, так как в УПК РФ нет четкого указания, какое именно решение должно быть вынесено в случае отказа обвинителя от обвинения» [40]. Отсутствие ясности в этой части приводит к правовой неопределенности, когда суды могут принимать разные решения в одинаковых ситуациях.

Например, в рассмотренном деле Богдановичского городского суда Свердловской области, связанном с обвинением Н. в совершении преступлений, предусмотренных частями 2 статьи 228 и пунктом "б" части 3 статьи 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. «В ходе судебных разбирательств, во время судебных прений, государственный обвинитель отказался от обвинения Н. по пункту "б" части 3 статьи 228.1 УК РФ, указав, что состав преступления по этому пункту был применен излишне и не соответствовал действиям подсудимого. После этого, суд, вернувшись из совещательной комнаты, огласил постановление о прекращении уголовного преследования в отношении Н. по части обвинения, связанной с пунктом "б" части 3 статьи 228.1 УК РФ. Основанием для прекращения дела стало отсутствие состава преступления в деянии Н. и отказ обвинителя от этой части

обвинения. Однако постановление о прекращении уголовного преследования в отношении Н. было позже отменено судебной коллегией по уголовным делам Свердловского областного суда, и дело в этой части было возвращено на новое рассмотрение» [1].

«Суд не всегда учитывает противоречие между нормами, а решение о прекращении уголовного преследования может не соответствовать требованиям УПК РФ, когда отказ от обвинения не сопровождается оправдательным приговором. Законодательство допускает определенные нестыковки в применении норм, что приводит к юридической неясности. Законодатель, по сути, допускает возможность использования разных форм итоговых решений (постановление о прекращении уголовного преследования или оправдательный приговор), в зависимости от того, кто первым обнаружил основания для прекращения уголовного дела. Таким образом, противоречие между частями 7 статьи 246 и 8 статьи 302 УПК РФ представляет собой юридическую проблему, затрудняющую правоприменение» [40].

Отдельные разъяснения, касающиеся отказа государственного обвинителя от обвинения или его изменения, также дает Конституционный Суд в своем Постановлении от 08.12.2003 N 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан». В данном деле истцы утверждают, что такие положения, как статьи 246 и 254 УПК, нарушают их конституционные права, в частности право на судебную защиту, равенство сторон и доступ к правосудию. Они считают, что эти положения, по которым отказ обвинителя от обвинения влечет за собой обязательное прекращение дела, лишают потерпевших и их представителей возможности возражать против отказа обвинителя от обвинения или изменения обвинения в сторону смягчения. Согласно их мнению, суды первой и кассационной инстанции обязаны принять решение об изменении обвинения или прекращении уголовного дела,

с учетом мнения потерпевшего и его представителя, что нарушает их права, закрепленные статьями 2, 18, 19 (часть 1), 45, 46, 52, 55 и 123 (часть 3) Конституции РФ.

Примером для таких доводов является дело гражданки Л.Н. Мельниковой, потерпевшей по делу о гибели ее дочери. В этом деле государственный обвинитель изменил квалификацию действий подсудимого с умышленного убийства на причинение смерти по неосторожности. Однако Черемушкинский районный суд города Москвы, несмотря на позицию потерпевшей, признал умышленный характер действий подсудимого и осудил его за убийство. При этом Московский городской суд, несмотря на признание правильно установленных фактов, переквалифицировал действия подсудимого, руководствуясь положениями статьи 246 и 254 УПК. Мельникова утверждает, что такие решения нарушают её права на возражение против изменения обвинения и имеют характер необоснованного вмешательства в её права как потерпевшей.

«Подобную позицию поддерживают и другие истцы, такие как Л.С. Ларина, Г.В. Павлюк и В.А. Кухранов, которые также оспаривают положения УПК, касающиеся обязательности прекращения дела в случае отказа обвинителя от обвинения, ссылаясь на их нарушение конституционных прав, в том числе права на обжалование решений суда и право на участие в судебном процессе. Истцы считают, что потерпевшие должны иметь право возражать против отказа от обвинения и должны быть вовлечены в процесс принятия решений, касающихся изменений обвинения или прекращения дела.

Конституционный Суд, рассматривая эти запросы и жалобы подтвердил, что отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, влекущий прекращение уголовного дела, должен быть мотивирован и основан на предусмотренных законом основаниях (например, отсутствие события преступления или состава преступления). Суд отметил, что в таких случаях суд должен выслушать мнение сторон (обвинения и защиты), прежде чем принять решение о прекращении дела.

Конституционный Суд также подчеркнул, что законность и обоснованность решения суда о прекращении дела или изменении обвинения в сторону смягчения должны подлежать проверке в вышестоящем суде, что обеспечивает права потерпевших и обвиняемых на судебную защиту и возможность оспаривания решений, нарушающих их права.

Конституционный Суд признал не соответствующей Конституции Российской Федерации норму, которая запрещает обжалование решения суда о прекращении уголовного дела в кассационном порядке при отказе прокурора от обвинения. Также была признана неконституционной норма, которая не допускает обжалование в кассационном порядке постановлений о приостановлении производства по делу по итогам предварительного слушания. Суд отметил, что такая норма нарушает принцип доступа к правосудию, поскольку лишает сторон возможности обжаловать решение, которое может задерживать процессуальное движение дела» [31].

В заключении сделан вывод, что участие обвинителя в следствии ориентировано на активное доказывание вины через представление и исследование доказательств, с учетом тактики и ситуаций, обеспечивая принципы справедливости и состязательности в рамках статьи 246 УПК РФ.

2.3 Участие государственного обвинителя в прениях сторон

Участие государственного обвинителя в прениях сторон в уголовном судопроизводстве Российской Федерации представляет собой конечный этап поддержания обвинения, где прокурор, выступая от имени государства, подводит итоги судебного следствия, формулирует окончательную позицию по делу и способствует вынесению законного, обоснованного и справедливого приговора.

В соответствии со ст. 246 УПК РФ, «государственный обвинитель представляет доказательства и участвует в их исследовании, излагает суду свое мнение по существу обвинения, а также по другим вопросам,

возникающим в ходе судебного разбирательства, высказывает суду предложения о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания» [43], что подчеркивает его ключевую роль в прениях, где он первым выступает с речью, анализируя исследованные доказательства и предлагая меры наказания. Данная стадия, регламентированная ст. 292 УПК РФ, состоит из речей обвинителя и защитника, с возможностью участия потерпевшего, гражданского истца и других, и запрещает ссылки на неисследованные или недопустимые доказательства. «Участники прений сторон не вправе ссылаться на доказательства, которые не были исследованы в судебном заседании или были признаны судом недопустимыми» [43]. Прения, таким образом, служат не только подведением итогов, но и воспитательным воздействием на общественность, обеспечивая принципы состязательности и объективности.

Т.В. Якушева, И.И. Якушев подчеркивают важность участия государственного обвинителя в судебных прениях для вынесения законного приговора, отмечая, что «выступление государственного обвинителя в прениях сторон с судебной речью – один из наиболее ответственных этапов поддержания государственного обвинения», где прокурор «публично подводит итог судебного следствия, от имени государства дает оценку действиям подсудимого, излагает окончательные выводы, к которым он пришел в результате судебного рассмотрения уголовного дела» [48]. Авторы акцентируют, что в прениях прокурор четко излагает позицию, которая ранее проявлялась косвенно через вопросы и ходатайства, и предлагает структуру речи, включающую вступление с общественной оценкой деяния, изложение фактических обстоятельств, анализ доказательств, юридическую квалификацию, характеристику личности подсудимого, оценку смягчающих и отягчающих обстоятельств, анализ причин преступления и предложения по наказанию, а также судьбе гражданского иска.

Т.В. Якушева, И.И. Якушев в исследовании ссылаются на Рекомендациям экспертного комитета по роли государственного обвинителя в

системе уголовного правосудия Комитета министров стран-участников Совета Европы от 23.03.1999 г. № PC-PR (99), где «государственные обвинители обязаны принимать во внимание мнение и интересы потерпевшего, когда затрагиваются их личные интересы, а также обеспечивать, чтобы потерпевшие были осведомлены о своих правах и о развитии событий» [48], и подчеркивают, что речь должна быть творческой, без шаблона, с использованием ораторских приемов для аргументации позиции.

По мнению С.Л. Кисленко, «основная задача участия государственного обвинителя в прениях сторон – убеждение суда в законности и обоснованности позиции обвинения по вопросам, подлежащим разрешению судом при постановлении приговора», где речь прокурора отражает «итоговую позицию по делу, излагаются окончательные выводы, к которым он пришел в результате судебного рассмотрения уголовного дела, и дается от имени государства оценка действиям подсудимого» [16, с. 84]. С.Л. Кисленко предлагает структуризацию речи с учетом ситуационных факторов, включая вступительную часть с оценкой опасности преступления, изложение обстоятельств, анализ доказательств с опровержением доводов защиты, правовую квалификацию, характеристику личности подсудимого в соотношении с отягчающими и смягчающими обстоятельствами, заключение по гражданскому иску и предложение по наказанию, а также анализ причин преступления.

Развивая идею о специфике прений в сложных делах, М.В. Аркатов анализирует выступление государственного обвинителя по уголовным делам, связанным с организованными преступными формированиями (ОПФ), подчеркивая, что «с начала выступления государственного обвинителя в судебных прениях, ознаменуется начало наступления последнего этапа по поддержания обвинения», где прения – «самостоятельная часть судебного разбирательства уголовного дела, в которой государственный обвинитель анализирует все прошедшие этапы судебного разбирательства, а также все

материалы уголовного дела, которые были исследованы в суде, после чего излагает свои выводы по делу, с целью попытки повлиять на мнение судьи» [3, с. 212]. Автор отмечает, что «предложение государственно обвинителя о мере наказания – это отклик государства на совершенные противоправные деяния подсудимых, а также это меры по восстановлению социальной справедливости и социальной реабилитации подсудимых» [3, с. 212], с учетом приказа Генпрокуратуры № 465, который гласит, что «при формировании своей позиции относительно наказания руководствоваться требованиями закона о его соразмерности и справедливости, учитывать характер и степень общественной опасности преступления, личности виновного, а также смягчающие и отягчающие вину обстоятельства» [3, с. 213]. Также автор подчеркивает, что по многоэпизодным делам речь длительная, но должна быть логичной и понятной, без излишних подробностей, чтобы не утомлять суд, и начинать подготовку речи на досудебном этапе для корректировки по ходу следствия.

Е.С. Бугаева фокусируется на функциях прокурора в прениях, отмечая, что «прения сторон являются той стадией судебного разбирательства, в которой активность прокурора достигает кульминации», где речь – «итог всей его деятельности по поддержанию государственного обвинения», способствуя формированию убеждения судей и воспитательному воздействию [6, с. 114].

Е.С. Бугаева предлагает такие элементы речи:

- «оценка опасности преступления,
- анализ обстоятельств и доказательств,
- квалификация, характеристика подсудимого с учетом обстоятельств,
- обоснование выводов,
- анализ причин и предложения по наказанию, а также судьбе доказательств» [6, с. 115].

Автор отмечает, что «обвинительная речь прокурора должна включать в себя оценку опасности совершенного преступления, анализ представленных в суде доказательств, оценку наличия квалифицированных и

привилегированных оснований, оценку мотива совершения преступления, оценку мнения подсудимого по делу, мнение о назначении наказания, мнение о применении конфискации имущества, мнение о возмещении материального ущерба и морального вреда» [6, с. 115].

Также автор подчеркивает, что функция прокурора – обеспечение законности обвинения, где «функция обеспечения законности и обоснованности обвинения не дает прокурору особых процессуальных прав... но для прокурора это является обязанностью» [6, с. 115], и обвинение может выражаться в поддержании или отказе по части 7 статьи 246 УПК РФ.

Е.С. Лапин определяет прения как «самостоятельную часть судебного разбирательства в суде первой и (или) апелляционной инстанции, в которой участники со стороны обвинения и защиты подводят итоги судебного следствия, излагают свои позиции по рассматриваемому судом уголовному делу и обращаются к суду с просьбами и предложениями по поводу итогового судебного решения» [22, с. 52], где обвинитель первым выступает, а суд не может прерывать речь, кроме случаев отвлечения от существа дела, по статье 292 УПК РФ, которая гласит, что «участники прений сторон не вправе ссылаться на доказательства, которые не были исследованы в судебном заседании или были признаны судом недопустимыми» [22, с. 52].

Е.С. Лапин подчеркивает, что прения – гарантия состязательности, где «обстоятельства дела освещаются с различных позиций, обеспечивая тем самым условия для всестороннего и объективного подхода к разрешению дела», и речи способствуют воспитательному воздействию, с последующими репликами и последним словом подсудимого, где «право последней реплики принадлежит подсудимому или его защитнику» [22, с. 52]. Автор отмечает, что по окончании прений участники могут представить формулировки решений по вопросам вроде «доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый» [22, с. 52], которые приобщаются к делу, но не обязательны для суда.

В заключении главы сделан вывод, что в исследовании подчеркивается ключевая роль прокурора как представителя государства в обеспечении законности уголовного процесса на всех его стадиях. Полномочия государственного обвинителя определяются федеральным законодательством, в первую очередь УПК РФ, который устанавливает рамки для поддержания обвинения, представления доказательств, участия в их исследовании, а также возможности изменения или отказа от обвинения в целях смягчения позиции или прекращения преследования при отсутствии достаточных оснований. На подготовительной стадии разбирательства обвинитель активно способствует созданию условий для надлежащего рассмотрения дела, включая проверку явки участников, разъяснение прав, разрешение отводов и ходатайств, а также заявление собственных инициатив по вызову свидетелей, истребованию доказательств или изменению меры пресечения, что предотвращает процессуальные нарушения и закладывает основу для объективного следствия. В стадии судебного следствия полномочия расширяются на представление и исследование доказательств, опровержение доводов защиты, корректировку обвинения в сторону смягчения путем исключения отягчающих признаков, переквалификации деяния или отказа от части обвинения, если доказательства не подтверждают вину, с учетом необходимости мотивировки таких решений для сохранения принципа состязательности. Участие в прениях сторон завершает процесс поддержания обвинения, где обвинитель первым излагает позицию по существу дела, анализирует доказательства, предлагает квалификацию деяния и меру наказания с учетом смягчающих и отягчающих обстоятельств, а также высказывается по гражданским искам, способствуя формированию законного приговора и воспитательному воздействию на общество.

Глава 3 Актуальные проблемы и пути развития института поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции

3.1 Проблемы, связанные с отказом прокурора от поддержания государственного обвинения

В уголовно-процессуальной науке России институт отказа прокурора от поддержания государственного обвинения в суде остается одним из наиболее дискуссионных, поскольку он напрямую интересы всех участников процесса.

Как отмечается в литературе, этот институт возник в условиях реформирования уголовного судопроизводства с середины 1990-х годов, когда акцент на состязательности и гласности усилил дебаты о роли прокурора как представителя государства.

Согласно ч. 7 ст. 246 УПК РФ, «если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части» [43].

Данная норма подчеркивает значимость отказа, который, по ч. 2 ст. 6 УПК РФ, «отказ государственного обвинителя от обвинения отвечает назначению уголовного судопроизводства, равно как и отказ от преследования невиновного» [43].

Аналогичная позиция отражена в Приказе Генеральной прокуратуры от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства», где указано, что отказ от уголовного преследования невиновных и их реабилитация в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и поддержание прокурором обоснованного обвинения.

Несмотря на такую регламентацию, практика применения института выявляет ряд проблем, связанных с основаниями отказа, его формой, влиянием на права потерпевшего, обязательностью для суда и моментом реализации.

Одной из ключевых проблем является определение оснований и условий отказа, поскольку законодательство не всегда четко разграничивает их от смежных институтов, таких как изменение обвинения.

«В российском уголовном процессе предусматриваются несколько оснований для отказа от обвинения, но чаще всего отказ происходит по следующим трем причинам, таким как: когда событие преступления отсутствует, в случае отсутствия состава преступления, а также, если подсудимый непричастен к совершению деяния.

Однако в любом случае государственный обвинитель обязан изложить суду мотивы своего отказа, процессуальное оформление которых законом не закреплено. Нигде не сказано, что они должны быть изложены в письменной форме в качестве отдельного процессуального акта, что приводит к неоднозначности в практике, так как отказ может быть мотивированным, но его обоснованность часто не подвергается глубокой проверке» [40].

Авторы В.С. Балакшин, А.В. Спирин подчеркивают, что «отказ государственного обвинителя от обвинения (полный или частичный) следует четко отграничивать от смежного института изменения прокурором обвинения (ч. 8 ст. 246 УПК)» [4].

Ряд ученых, объединяя перечисленные решения государственного обвинителя в одно, используют понятие «распоряжение обвинением».

Исследуя данную проблему, Л.В. Головкин поставил под сомнение самую теоретическую состоятельность законоположений, позволяющих государственному обвинителю принимать такие решения. Он задается вопросом и говорит в своем исследовании: «кто уполномочил прокурора действовать в уголовном процессе в качестве стороны обвинения, кто уполномочил его по своему усмотрению распоряжаться обвинением по делам,

которые считаются общественно опасными, т.е. касаются каждого члена общества?» [4].

Критика автора подчеркивает, что основания отказа должны быть строго правовыми, а не зависеть от субъективного усмотрения прокурора, что может привести к произволу.

А.Е. Ерофеев также отмечает, что «прокурор может отказаться от обвинения не только, когда доказательства не подтверждают обвинение, но и когда их недостаточно» [13]. Как отмечал В. М. Савицкий, «для отказа от обвинения прокурору достаточно утратить убеждение в виновности. Абсолютно неприемлема ситуация, когда прокурор, видя необоснованность обвинения, просит суд изменить квалификацию на более мягкую, ограничиться назначением подсудимому наказания в пределах уже отбытого им срока и т.д.» [4]. Таким образом, проблема оснований усугубляется отсутствием четких критериев оценки доказательств, что делает отказ уязвимым для субъективных интерпретаций.

Другой значимой проблемой выступает форма процессуального оформления отказа, которая не регламентирована законом, что порождает дебаты о необходимости письменного документа. В литературе по этому поводу выделяются две противоположные точки зрения.

«Одни авторы предполагают, что государственный обвинитель должен оформлять отказ от обвинения не просто в письменной форме, а в виде отдельного документа – постановления, которое предварительно будет согласовано с прокурором, утвердившим обвинительное заключение. Указанное предложение является вполне обоснованным, так как именно мотивированная позиция государственного обвинителя об отказе от обвинения будет положена в основу решения о прекращении уголовного дела, а поскольку будет отсутствовать надлежащим образом оформленный процессуальный акт, решение суда будет считаться недостаточно обоснованным» [11].

Другие авторы обосновывает противоположную позицию, согласно которой отказ государственного обвинителя от обвинения не нуждается в обосновании. «Объяснение прокурором суду мотивов своего отказа не только целесообразно, но и противоправно, поскольку в таком случае прокурор ставится в положение лица, «оправдывающегося» или «извиняющегося» перед судом за заявленный отказ от обвинения» [38, с. 6].

Л.А. Гаврилова-Петрова поддерживает идею письменной формы, ссылаясь на Приказ Генпрокуратуры России от 25.12.2012 № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства», который «устанавливает необходимость доклада прокурору, поручившему поддержание обвинения государственному обвинителю, при нахождении последним существенного расхождения позиции с обвинительным актом или заключением, о таком расхождении. Кроме того, в том же Приказе четко указывается письменная форма отказа» [10, с. 1209]. Данная проблема приводит к нестабильности практики, так как устная форма отказа часто не позволяет полноценно оценить его мотивированность, что ослабляет гарантии для участников процесса.

Особо остро стоит проблема нарушения прав потерпевшего при отказе прокурора от обвинения, поскольку это влечет прекращение дела без учета мнения пострадавшего. Наряду с этим в случае необоснованного отказа прокурора от обвинения не принимаются во внимание роль потерпевшего, а также его возможности оспорить действия обвинителя. В данном случае уголовно-процессуальным законодательством, не предусматривающим данное право, нарушается конституционное право на обжалование действий и решений государственных органов и должностных лиц, установленное п. 2 ст. 46 Конституции РФ; и тем самым потерпевший оказывается лишенным права на судебную защиту.

А.А. Минаенкова подчеркивает, что «государственный обвинитель может отказаться от обвинения только после всестороннего изучения имеющихся в материалах уголовного дела доказательств. Соответственно,

прокурор не обязан согласовывать свое решение с иными участниками процесса, в том числе и с потерпевшим. Однако такое нормативное требование противоречит назначению уголовного судопроизводства – защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления» [26, с. 66].

А.В. Савоськин, И.В. Сошникова отмечают, что «полный отказ прокурора от обвинения фактически лишает потерпевшего конституционного права на судебную защиту. В итоге объем процессуальных гарантий прав потерпевшего отличается в зависимости от стадии уголовного судопроизводства и степени тяжести совершенного преступления. Получается, что в судебном разбирательстве у потерпевшего нет шанса продолжить производство по конкретному уголовному делу» [37, с. 119-127].

М.Р. Гусейнов также указывает, что «положение ч. 7 ст. 246 УПК РФ не соответствует назначению уголовного судопроизводства, в частности процессуальное регулирование последствий отказа прокурора от обвинения в судебном разбирательстве. Потерпевший должен иметь возможность принимать участие в обсуждении последствий отказа прокурора от обвинения, а также возражать против прекращения производства по делу по данному основанию» [11].

Таким образом, отсутствие механизма учета мнения потерпевшего делает институт отказа несбалансированным, нарушая ст. 2 Конституции РФ, где признание, соблюдение и защита прав человека и гражданина – обязанность государства.

Еще одной проблемой является обязательность отказа для суда, что может подрывать независимость судебной власти. Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в Постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П, полный либо же частичный отказ прокурора от обвинения, должен быть аргументированным и содержать законные правовые основания. При этом вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя,

возможно лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты.

Верховный Суд Российской Федерации в этой связи разъяснил, что полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства определяют принятие судом решения соответствующей позиции государственного обвинителя.

В.С. Балакшин, А.В. Спирин отмечают, что «отказ государственного обвинителя от обвинения, обязательный для суда в силу ч. 7 ст. 246 УПК РФ, делает судебное разбирательство беспредметным, что вызывает у многих процессуалистов обоснованные вопросы» [4].

Л.А. Гаврилова-Петрова добавляет, что «суд в соответствии со ст. 246 УПК РФ, руководствуясь принципом состязательности сторон, соблюдая объективность и беспристрастность, обязан принять частичный отказ государственного обвинителя от обвинения. Данная обязательность критикуется как «покушение» прокурора на функции суда, поскольку суд фактически ограничивается в своей компетенции по осуществлению правосудия позицией одного из представителей стороны обвинения» [10, с. 1208].

Наконец, актуальной остается проблема момента реализации отказа, поскольку неясность этапа может привести к преждевременным решениям. В.С. Балакшин, А.В. Спирин также полагают, что «полный отказ государственного обвинителя от обвинения возможен независимо от того, на каком этапе находилось судебное следствие, какие доказательства были представлены и исследованы. Более того, такой отказ возможен и во вступительной речи» [4].

«Однако эта позиция не в полной мере основана на законе, не находит подтверждения. Наиболее обоснованной видится точка зрения, согласно которой надлежащим временем для отказа является момент окончания судебного следствия, прения. Реализация возможности отказа должна

происходить именно тогда в связи с тем, что прокурору прежде, чем отказываться от предъявленного обвинения, необходимо изучить все значимые для уголовного дела обстоятельства, заслушать участников процесса, чтобы полноценно мотивировать свой отказ» [4].

А.В. Савоськин, И.В. Сошникова подтверждают, что «прокурор может отказаться от обвинений только тогда, когда будут исследованы все представленные доказательства по рассматриваемому уголовному делу. Лишь по завершении сбора и предоставления всех доказательств, их изучения и исследования, после заслушивания позиций участников уголовного судопроизводства по конкретному делу, прокурор вправе принять решение об отказе от обвинения» [37, с. 119]. Преждевременный отказ нарушает принцип всесторонности исследования доказательств.

Для решения рассмотренных проблем исследователи предлагают комплекс мер по реформированию института.

Ю.А. Бекназарова формулирует ряд выводов и предложений о направлении реформирования института отказа прокурора от обвинения. «Потерпевшему, подсудимому, защитнику должна быть предоставлена возможность высказать свое мнение по поводу заявления прокурора об отказе. Заявление должно отвечать требованиям законности, обоснованности и мотивированности, должно быть оформлено в письменной форме, исходить от прокурора, утвердившего обвинительное заключение, или вышестоящего прокурора (или быть согласованным с ним). Для потерпевшего в УПК РФ должна быть предусмотрена возможность самостоятельного поддержания обвинения при его несогласии с отказом государственного обвинителя от обвинения. В противном случае не обеспеченными остаются законные интересы потерпевшего. С целью реализации данных предложений следовало бы внести соответствующие изменения в ряд норм УПК РФ, в том числе в ч. 7 ст. 246» [5, с. 186].

А.А. Минаенкова предлагает «обеспечить потерпевшему возможность продолжить судебное разбирательство в случае отказа прокурора от

поддержания обвинения и предлагает внести изменения в понятие «частный обвинитель», которое содержится в п. 16 ч. 2 ст. 42 УПК РФ» [26, с. 66], а именно изложить действующую правовую норму в следующей редакции: «поддерживать обвинение по делам частного обвинения, а также по делам частно-публичного и публичного обвинения в случае мотивированного отказа государственного обвинителя от обвинения» [26, с. 66].

А.Е. Ерофеев предлагает изменить формулировку п. 6 ст. 5 УПК РФ, изложив его в следующей редакции: «Государственный обвинитель - это прокурор, поддерживающий от имени государства обвинение в суде по уголовному делу, либо по поручению прокурора, его заместителя иное должностное лицо органов прокуратуры» [13].

Также автор предлагает часть 7 ст. 246 УПК РФ дополнить следующими предложениями: «Если в ходе судебного разбирательства исследованные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение вследствие отсутствия события преступления, состава преступления или недоказанности причастности подсудимого к совершению преступления, то государственный обвинитель отказывается от обвинения и излагает суду в письменной форме основания и мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения может быть заявлен только после всестороннего исследования в судебном заседании всех доказательств, собранных по инициативе сторон и суда. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предложенным в письменном отказе государственного обвинителя» [13].

А.В. Савоськин, И.В. Сошникова подчеркивают «необходимость сохранить свободу усмотрения прокурора при отказе от обвинения при условии согласования такого решения со сторонами по уголовному делу и прежде всего с потерпевшей стороной. Однако согласие потерпевшего не

может рассматриваться в качестве обязательного условия для принятия прокурором решения об отказе от обвинения» [37, с. 120].

Также предлагается в уголовно-процессуальном законе предусмотреть новый механизм правовых последствий для суда при отказе прокурора от обвинения, установив законодательно, что суд при отказе прокурора от обвинения полностью или в части обязан прекратить уголовное дело или уголовное преследование в части заявленного отказа.

Данные меры позволят сбалансировать институт, усиливая гарантии законности и прав участников процесса.

3.2 Проблемы поддержания государственного обвинения в суде присяжных заседателей

В уголовно-процессуальной науке России поддержание государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей представляет собой одну из наиболее сложных и ответственных функций прокурора, поскольку оно требует не только глубоких юридических знаний, но и учета психологических, тактических и процессуальных особенностей взаимодействия с непрофессиональными судьями.

Согласно ст. 35 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», «осуществляя уголовное преследование в суде, прокурор выступает в качестве государственного обвинителя при рассмотрении уголовных дел» [44], что подразумевает представление доказательств вины подсудимого и обеспечение законности процесса. Однако практика показывает, что в суде присяжных, где коллегия формируется из шести или восьми человек без юридического образования, прокурор сталкивается с трудностями, связанными с необходимостью адаптировать речь, стратегию доказывания и реакцию на нарушения.

Данные проблемы усугубляются статистикой. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2018 г. по делам с

присяжными оправдано 17,4% лиц, а в 2024 г. – 24%, что значительно выше, чем в обычном судопроизводстве.

Анализ научных источников позволяет выделить ключевые проблемы, связанные именно с ролью государственного обвинителя.

Первой значимой проблемой поддержания государственного обвинения в суде присяжных является недостаточная осведомленность и подготовка прокурора, что особенно остро проявляется на стадии предварительного слушания и в целом в районных судах. Данная стадия крайне важна для прокурора, так как он может заранее выстроить свою доказательственную линию, спрогнозировать аргументы стороны защиты и реакцию присяжных заседателей. Поэтому, в порядке обеспечения дальнейшего государственного обвинения, прокурору крайне необходимо знать, каких свидетелей нужно вызвать, какие ходатайства заявить и исключить любые доказательства, получены с нарушениями закона.

Недостаточная осведомленность в деталях уголовного дела не всегда является безусловным признаком непрофессионализма гособвинителя. «На практике вполне вероятны случаи, когда государственное обвинение осуществляет прокурор, который не был ознакомлен с материалами уголовного дела, когда-то было на этапе досудебного производства, что вполне возможно в ситуациях высокой нагрузки на прокуроров (допустим, что прокурор, который изначально занимался уголовным делом, заболел, уволился, был переведён на другую должность или подразделение и т.д.). Как следствие, прокурор, который не имел дела с материалами изначально, может не в полной мере осознавать реальные цели и потребности или же неправильно оценить реальный размер доказательственной базы, которую он имеет в наличии» [39].

«В условиях, когда ключевое решение принимает суд, недостаточная осведомленность государственного обвинения может быть компенсирована юридической осведомленностью и опытом судьи. Однако, в случаях с присяжными заседателями, недостатки государственного обвинения могут

стать поводом для неблагоприятного отношения к доводам прокурора, которые могут быть объективно неубедительными. Следовательно, присяжные заседатели могут занять позицию, которая более склонна доверять доводам защиты, так как адвокат, зачастую, более осведомлён с материалами дела, потому что подсудимый привлекает его по своему собственному выбору и заранее (если не считать случаев, когда защита предоставляется государством)» [39].

Данная проблема усугубляется в районных судах, где штат ограничен, а опыт минимален. «Вследствие загруженности районных органов прокуратуры, а также небольшого штата государственных обвинителей и отсутствия у них опыта поддержания государственного обвинения в суде присяжных, следует рассмотреть вопрос о направлении в необходимых случаях сотрудников аппарата прокуратуры субъекта РФ для поддержания государственного обвинения с участием присяжных заседателей в районных судах» [21].

Кроме того, в суде присяжных усложняется характер взаимодействия прокурора с участниками процесса, в том числе ввиду того, что присяжные заседатели не владеют специальными юридическими знаниями и терминологией. «Прокурору следует выстраивать свое выступление в судебных прениях, делая его максимально понятным и доступным для любого присяжного, учитывая при этом, что они могут обладать различным уровнем правосознания. Предъявление указанных требований к государственным обвинителям в рассматриваемой форме судопроизводства обусловлено наличием специфических навыков и психической устойчивости, опыта публичного выступления, способности убеждения и аргументации, а также оперативного принятия решений в любой ситуации и на любой стадии рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции» [21]. Недостаточная подготовка приводит к тактическим ошибкам, таким как неэффективное планирование, что снижает шансы на обвинительный вердикт и усиливает преимущество защиты.

Второй проблемой, напрямую затрагивающей роль государственного обвинителя, является риск незаконного воздействия на присяжных заседателей, особенно со стороны защиты, что требует от прокурора активной реакции и выявления пробелов в законодательстве. Уголовно-процессуальное законодательство запрещает любое давление на присяжных, и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 г. № 23 (ред. от 15.05.2018) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» указано, что как незаконное воздействие на присяжных заседателей рассматриваются оглашение данных о личности подсудимого, потерпевшего, наличии судимостей и других отрицательных моментах из их биографии, обсуждение в присутствии присяжных заявлений, сведений о применении в отношении подсудимых незаконных методов во время следствия [39].

Несмотря на это, сторона защиты безнаказанно может скомпрометировать потерпевшего и разгласить о нём ту информацию, которая может вызвать у присяжных предубеждения или даже симпатию к подсудимому. «К сожалению, в УПК не указано того, что запрещено распространять информацию о судимостях, зависимостях и другие данные о личности потерпевшего, которые могут показаться присяжным нелицеприятными. Данный факт является явным недостатком уголовно-процессуального законодательства, так как является очевидным пробелом в праве» [39]. Отсутствие запрета на оглашение любой информации, которая не имеет отношения к выясняемым обстоятельствам совершения уголовного преступления и компрометирует любых участников уголовного судопроизводства даёт несправедливое преимущество стороне защиты. «Тактика, основанная на компрометации органов предварительного следствия, прокуратуры, потерпевших, когда ставится под сомнение правомерность происхождения доказательств обвинения, используется стороной защиты практически по каждому уголовному делу путем заявления

различных ходатайств, высказываний, замечаний и реплик, как правило, в присутствии присяжных» [42, с. 60]. На подобное поведение стороны защиты государственным обвинителям необходимо своевременно и аргументировано реагировать. «Добиваться в максимально корректной форме соответствующей реакции председательствующего. Приносить, если для этого имеются веские основания, замечания на протокол судебного заседания» [42, с. 60].

Анализ практики показывает, что «систематичность нарушений, связанных с представлением недостоверных доказательств, даже при соответствующих мерах председательствующего, влечет отмену оправдательного приговора» [42, с. 63]. Защитники злоупотребляют нормой ст. 335 УПК РФ, широко толкуя ограничения.

«При рассмотрении в Ростовском областном суде уголовного дела по обвинению П. в убийстве суд по ходатайству стороны защиты признал доказательство в виде протокола выемки недопустимым к исследованию в судебном заседании с участием присяжных заседателей, поскольку во время предварительного следствия была произведена выемка вещей, ранее похищенных. Суд сослался на то, что указанные доказательства являются недопустимыми, поскольку имели отношение к прежней судимости, хотя и являлись одним из основных доказательств по уголовному делу» [21]. Порой исключение подобных доказательств влечет нарушение логической цепочки и ставит под сомнение совершение лицом преступного деяния. Подобного рода ограничения нарушают принцип состязательности уголовного процесса, поскольку стороны (одна из сторон) лишаются полноценной реализации права на изложение и представление в полном объеме доказательств. Данное воздействие может быть прямым (обсуждение процессуальных вопросов) или косвенным (через СМИ), что требует от прокурора постоянной бдительности и апелляций.

Третьей проблемой для государственного обвинителя является отсутствие квалификации присяжных заседателей, что усложняет убеждение и требует адаптации стратегии. «Присяжные заседатели – это особые

участники судебного процесса, которые, безусловно, должны быть в системе правосудия в России. Присутствие присяжных заседателей может сделать рассмотрение уголовного дела более справедливым и объективным, так как присяжные заседатели принимают свои решения коллегиально. Однако присяжные заседатели не имеют юридического образования и не владеют профессиональной терминологией, которая обычно озвучивается на суде. Поэтому, прокурору необходимо изъясняться проще, формулировать свои тезисы чётче и понятнее, чтобы любой присяжный смог рассмотреть полноценную картину уголовного дела» [39].

В ст. 3 Федерального закона от 20.08.2004 № 113-ФЗ (ред. от 16.02.2022) «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» отсутствуют какие-либо требования к квалификации или профессии присяжного. Вполне возможно, что в демократическом обществе, отбор присяжных по профессиям или навыкам можно назвать дискриминационным. Тем не менее, всё же стоит утверждать о том, что вынесение вердикта подсудимому – это важный аспект процесса правосудия, поэтому допуск граждан, подверженных эмоциональному воздействию и не владеющих достаточно широкой базой юридических познаний является ошибочным подходом государства [39].

«Одна из главных особенностей данной формы судебного разбирательства обусловлена тем, что присяжные заседатели не являются профессиональными судьями, поэтому в присутствии коллегии исследуются лишь вопросы, связанные с фактическими обстоятельствами уголовного дела, а оценку доказательств и вывод о виновности или невиновности подсудимого присяжные осуществляют на основе своего личного жизненного опыта, ценностных установок и т.п. При этом нельзя не учитывать, что на принятие итогового решения по уголовному делу присяжными заседателями значительное влияние оказывают и такие психологические факторы, как особенности восприятия информации каждым из них в течение всего судебного процесса, особенности характера, темперамента и т.п.» [42, с. 60],

что приводит к эмоциональному подходу, как в случае посягательства на жизнь сотрудника из мести, где действия обвиняемого вызывают симпатию. Прокурору приходится адаптировать речь, но отсутствие квалификации присяжных снижает эффективность.

Еще одной проблемой для государственного обвинителя являются пробелы в законодательстве по тактике прений и реакции на нарушения, что позволяет защите использовать некорректные приемы и ставит прокурора в уязвимое положение. «Отсутствие в уголовно-процессуальном законе требований к структуре судебной речи в прениях сторон (даже с учетом определенных ограничений по содержанию, которые отражены в нормах ст. 336 УПК РФ). Указанное обстоятельство приводит к тому, что речи защитников зачастую сводятся к анализу речей государственных обвинителей, анализ же представленных доказательств ими не проводится. При этом защитники, имея целью воздействовать на присяжных заседателей, допускают высказывания, которыми пытаются негативно охарактеризовать органы предварительного следствия и государственных обвинителей» [42, с. 64].

Изучение практики Верховного Суда РФ свидетельствует о том, что систематичность нарушений, связанных с представлением недостоверных доказательств, даже при соответствующих мерах, принятых председательствующим, влечет отмену оправдательного приговора, постановленного на основании оправдательного вердикта присяжных заседателей [42, с. 63]. Прокурор вынужден реагировать, но отсутствие четких норм ослабляет его позицию.

На основе анализа научных источников рассмотрены мероприятия, направленные на повышение квалификации прокурора, обеспечение объективности присяжных, совершенствование процессуальных норм.

Одним из основных направлений является повышение квалификации и опыта государственных обвинителей, поскольку недостаточная подготовка приводит к тактическим ошибкам и снижению эффективности.

Так, предлагается закрепить в приказе Генерального прокурора РФ специальные требования к прокурорам, участвующим в процессах с присяжными. В частности, рекомендуется внести изменения в п. 4.1 Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 25.12.2012 № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства», изложив его в следующей редакции: «при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей привлекать государственных обвинителей со стажем работы не менее 5 лет в органах прокуратуры, из которых не менее 3 лет стажа по поддержанию государственного обвинения», что позволит направлять в такие процессы только опытных специалистов, обладающих навыками публичных выступлений, убеждения и оперативного принятия решений. Кроме того, в районных судах, где штат ограничен, предлагается привлекать сотрудников аппарата прокуратуры субъекта РФ для поддержки обвинения, чтобы компенсировать отсутствие локального опыта.

Т.С. Волчецкая, Н.В. Маткова предлагают «разработку стратегии поддержания обвинения как общей программы действий тактико-прогностического характера, вырабатываемой в период подготовки к судебному разбирательству и охватывающей все его стадии, реализация которой с учетом возникающих судебных ситуаций позволит государственному обвинителю изобличить преступника перед судом и коллегией присяжных заседателей» [8, с. 1006]. Ознакомление с материалами предварительного расследования предлагается разделить на два этапа: «изучение исходной информации и построение доказательственной базы, с использованием ситуационного моделирования для прогноза судебных ситуаций» [8, с. 1007]. Данные меры сделают подготовку прокурора более системной и адаптированной к специфике присяжных.

Для устранения рисков воздействия, особенно со стороны защиты, предлагаются законодательные изменения и процессуальные меры. Необходимо внести прямой запрет в УПК РФ на разглашение информации, не имеющей отношения к делу и компрометирующей участников процесса,

поскольку отсутствие такого запрета дает несправедливое преимущество защите. Для преодоления ограничений ст. 335 УПК РФ предлагается сформировать единую правоприменительную практику, позволяющую исследовать данные о личности в том случае, если они являются неотъемлемой частью обвинения. Так, законодателю следует внести изменения в п. 8 ст. 335 УПК РФ, раскрыв понятие «данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого» [21].

В силу принципов состязательности и равенства сторон, а также предупреждения допущения сторонами нарушений закона, которые могут повлиять на ответы присяжных заседателей на разрешаемые ими вопросы, предложено законодательно закрепить требования к судебной речи в прениях сторон [42, с. 59].

Т.С. Волчецкая, Н.В. Маткова предлагают анализ типовых моделей поведения защиты, включая незаконные способы воздействия, и разработку контрмер на основе ситуационного подхода [8, с. 1005].

Отсутствие квалификации присяжных осложняет работу прокурора, требуя упрощения речи, но предлагается ввести образовательные меры. Рекомендуется обучение граждан, желающих иметь возможность выступать в качестве присяжных заседателей. Необходимо составить программы обучения, пусть даже сильно сокращённые, которые позволят присяжным в полной мере понимать юридическую терминологию, механизмы совершаемых преступлений и так далее. В таком случае, присяжные заседатели с большей вероятностью будут способны вынести справедливый приговор, что позволит прокурору эффективнее доносить аргументы, снижая эмоциональное влияние. Обучение присяжных сделает процесс более понятным, помогая прокурору фокусироваться на сути.

Реализация этих направлений повысит эффективность прокурора, объективность вердиктов и доверие к суду присяжных.

В заключении третьей главы исследования сделан вывод, что поддержание государственного обвинения является центральной функцией

прокурора, направленной на обеспечение законности, состязательности и защиты прав участников процесса в рамках уголовно-процессуального законодательства.

Выявленные проблемы в контексте отказа прокурора включают отсутствие четкой регламентации формы и мотивированности решения, что приводит к субъективным интерпретациям и недостаточной обоснованности, а также игнорирование интересов потерпевшего, лишаящее его права на участие в процессе и обжалование. Обязательность отказа для суда без глубокой проверки подрывает независимость судебной власти, а неопределенность момента реализации может вызвать преждевременные решения, нарушая принцип всестороннего исследования доказательств. В суде присяжных проблемы усугубляются недостаточной осведомленностью прокурора о материалах дела, особенно в районных судах с ограниченным штатом, что приводит к тактическим ошибкам и потере доверия присяжных. Риск незаконного воздействия на присяжных, включая компрометацию потерпевшего или искажение доказательств, создает дисбаланс в состязательности, а отсутствие квалификации присяжных приводит к эмоциональным, а не правовым оценкам, усиливая влияние общественного мнения.

Пути решения этих проблем предполагают комплексные меры на законодательном, организационном и образовательном уровнях. Для отказа прокурора предлагается ввести обязательную письменную форму с согласованием вышестоящим руководством, что обеспечит мотивированность и возможность обжалования, а также предоставить потерпевшему право на самостоятельное поддержание обвинения при несогласии, с обязательным заслушиванием его мнения перед прекращением дела. Необходимо уточнить момент отказа после полного исследования доказательств и ввести судебную проверку обоснованности для баланса интересов. В суде присяжных рекомендуется заблаговременное назначение опытных прокуроров с минимальным стажем, включая привлечение специалистов из вышестоящих

инстанций, и разработку стратегий подготовки с ситуационным моделированием для прогноза рисков.

Обеспечение беспристрастности присяжных требует запрета на разглашение компрометирующей информации о потерпевшем и строгого контроля за нарушениями в прениях, с законодательным закреплением требований к речам сторон. Для повышения квалификации присяжных предлагается введение программ обучения по основам терминологии и механизмов судопроизводства, без ограничения доступа, но с фокусом на объективность. Улучшение представления доказательств включает унификацию практики по данным о личности, с хронологическим порядком и тактико-психологическими приемами для косвенных улик.

Рассмотренные в главе направления позволят снизить субъективизм, усилить защиту прав и повысить эффективность института, способствуя развитию уголовного судопроизводства в направлении большей демократичности и справедливости. В перспективе их реализация требует внесения поправок в УПК РФ и внутренние приказы прокуратуры.

Заключение

Государственный обвинитель является самостоятельным и ключевым участником уголовного судопроизводства, от которого во многом зависит достижение целей правосудия. Согласно ч. 6 статьи 5 УПК РФ, государственным обвинителем признаётся поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры.

Функции и полномочия государственного обвинителя определяются как отечественными нормами права, так и международными актами. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» и Уголовно-процессуальный кодекс РФ предоставляют прокурору широкие полномочия, позволяющие не только формулировать обвинение, но и корректировать его в сторону смягчения или отказываться от него, если доказательства не подтверждают виновность. Такая процессуальная самостоятельность, закреплённая в ст. 246 УПК РФ, обеспечивает независимость обвинителя, позволяя ему действовать исключительно на основе закона и фактических обстоятельств дела, что становится особенно важным в делах, рассматриваемых в особом порядке, где риск ошибок возрастает из-за упрощённой процедуры. Значимость независимости обвинителя подтверждается международными стандартами, такими как статья 6 Конвенции о защите прав человека и статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, которые требуют отсутствия внешнего давления на участников процесса.

Анализ судебной практики также демонстрирует, что государственный обвинитель играет ключевую роль в обеспечении точной квалификации преступлений, осуществляют контрольную функцию обвинителя, направленную на соблюдение принципа соразмерности наказания. Вместе с тем, некоторые случаи выявляют проблемы, связанные с недостаточной профессиональной подготовкой некоторых обвинителей, чья пассивная

позиция или слабая работа с доказательствами могут привести к оправдательным приговорам, подрывая доверие к правосудию.

Разнообразие мнений учёных относительно природы обвинения и принципов, на которых должна строиться деятельность государственного обвинителя, говорит о высоком уровне научного интереса к данной проблематике. Предложения учёных о разграничении функций обвинения и надзора, а также о закреплении принципа процессуальной самостоятельности в УПК РФ, указывают на потребность в совершенствовании законодательства. Ошибки обвинителей, такие как небрежная работа с документами или неверная оценка ущерба, выявленные в судебной практике, свидетельствуют о необходимости повышения их профессиональной подготовки. Успешное выполнение функций государственного обвинителя требует не только глубоких юридических знаний, но и активной позиции, этического соответствия и умения убедительно представлять доказательства, что непосредственно влияет на достижение целей правосудия.

В исследовании подчеркивается ключевая роль прокурора как представителя государства в обеспечении законности уголовного процесса на всех его стадиях. Полномочия государственного обвинителя определяются федеральным законодательством, в первую очередь УПК РФ, который устанавливает рамки для поддержания обвинения, представления доказательств, участия в их исследовании, а также возможности изменения или отказа от обвинения в целях смягчения позиции или прекращения преследования при отсутствии достаточных оснований. На подготовительной стадии разбирательства обвинитель активно способствует созданию условий для надлежащего рассмотрения дела, включая проверку явки участников, разъяснение прав, разрешение отводов и ходатайств, а также заявление собственных инициатив по вызову свидетелей, истребованию доказательств или изменению меры пресечения, что предотвращает процессуальные нарушения и закладывает основу для объективного следствия. В стадии судебного следствия полномочия расширяются на представление и

исследование доказательств, опровержение доводов защиты, корректировку обвинения в сторону смягчения путем исключения отягчающих признаков, переквалификации деяния или отказа от части обвинения, если доказательства не подтверждают вину, с учетом необходимости мотивировки таких решений для сохранения принципа состязательности. Участие в прениях сторон завершает процесс поддержания обвинения, где обвинитель первым излагает позицию по существу дела, анализирует доказательства, предлагает квалификацию деяния и меру наказания с учетом смягчающих и отягчающих обстоятельств, а также высказывается по гражданским искам, способствуя формированию законного приговора и воспитательному воздействию на общество.

В исследовании сделан вывод, что поддержание государственного обвинения является центральной функцией прокурора, направленной на обеспечение законности, состязательности и защиты прав участников процесса в рамках уголовно-процессуального законодательства.

Выявленные проблемы в контексте отказа прокурора включают отсутствие четкой регламентации формы и мотивированности решения, что приводит к субъективным интерпретациям и недостаточной обоснованности, а также игнорирование интересов потерпевшего, лишаящее его права на участие в процессе и обжалование. Обязательность отказа для суда без глубокой проверки подрывает независимость судебной власти, а неопределенность момента реализации может вызвать преждевременные решения, нарушая принцип всестороннего исследования доказательств. В суде присяжных проблемы усугубляются недостаточной осведомленностью прокурора о материалах дела, особенно в районных судах с ограниченным штатом, что приводит к тактическим ошибкам и потере доверия присяжных. Риск незаконного воздействия на присяжных, включая компрометацию потерпевшего или искажение доказательств, создает дисбаланс в состязательности, а отсутствие квалификации присяжных приводит к

эмоциональным, а не правовым оценкам, усиливая влияние общественного мнения.

Пути решения этих проблем предполагают комплексные меры на законодательном, организационном и образовательном уровнях. Для отказа прокурора предлагается ввести обязательную письменную форму с согласованием вышестоящим руководством, что обеспечит мотивированность и возможность обжалования, а также предоставить потерпевшему право на самостоятельное поддержание обвинения при несогласии, с обязательным заслушиванием его мнения перед прекращением дела. Необходимо уточнить момент отказа после полного исследования доказательств и ввести судебную проверку обоснованности для баланса интересов. В суде присяжных рекомендуется заблаговременное назначение опытных прокуроров с минимальным стажем, включая привлечение специалистов из вышестоящих инстанций, и разработку стратегий подготовки с ситуационным моделированием для прогноза рисков.

Обеспечение беспристрастности присяжных требует запрета на разглашение компрометирующей информации о потерпевшем и строгого контроля за нарушениями в прениях, с законодательным закреплением требований к речам сторон. Для повышения квалификации присяжных предлагается введение программ обучения по основам терминологии и механизмов судопроизводства, без ограничения доступа, но с фокусом на объективность. Улучшение представления доказательств включает унификацию практики по данным о личности, с хронологическим порядком и тактико-психологическими приемами для косвенных улик.

Рассмотренные в исследовании направления позволят снизить субъективизм, усилить защиту прав и повысить эффективность института, способствуя развитию уголовного судопроизводства в направлении большей демократичности и справедливости. В перспективе их реализация требует внесения поправок в УПК РФ и внутренние приказы прокуратуры.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Архив Богдановичского городского суда Свердловской области. Приговор Богдановичского городского суда Свердловской области от 3 марта 2016 г. по уголовному делу № 1-22/2016у [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-bogdanovichskii-gorodskoi-sud-sverdlovskaiia-oblast/>(дата обращения 17.02.2025 г.)
2. Ажиева М.И., Мальцагов И.Д. Сущность и понятие государственного обвинения // Закон и право. 2022. №5. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-ponyatie-gosudarstvennogo-obvinieniya> (дата обращения: 02.04.2025).
3. Аркатов М.В. Выступление государственного обвинителя на судебных прениях по уголовным делам, связанным с организационными преступными формированиями // Молодой ученый. 2022. № 23 (418). С. 212-214.
4. Балакшин В.С., Спириин А.В. Институт отказа государственного обвинителя от обвинения: поиск путей реформирования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. №4. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-otkaza-gosudarstvennogo-obvinitelya-ot-obvinieniya-poisk-putey-reformirovaniya> (дата обращения: 30.07.2025).
5. Бекназарова Ю.А. Суд присяжных: проблемы поддержания государственного обвинения // Молодой ученый. 2025. № 21 (572). С. 186-189.
6. Бугаева Е.С. Участие прокурора в прениях сторон Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2022. № 45 (440). С. 114-115.
7. Буланова Н.В. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами. Акад. Ген. прокуратуры РФ. Науч.-исслед. ин-т. Москва : Проспект, 2016. 2015. 185 с.

8. Волчецкая Т.С., Маткова Н.В. «Проблемы стратегии поддержания государственного обвинения в суде присяжных: ситуационный подход». Вестник Санкт-Петербургского университета. Право 4. 2023. С. 1004-1022.

9. Гатауллин З.Ш. Понятие государственного обвинения и определение его объема // Современное право. 2008. № 10. С. 106-110.

10. Гаврилова-Петрова Л.А. Институт отказа прокурора от обвинения: проблемы теории и практики // Право и правосудие в современном мире (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации) : Сборник научных статей молодых исследователей X ежегодной всероссийской студенческой научно-практической конференции студентов, магистрантов и соискателей с международным участием, Санкт-Петербург, 25-26 марта 2022 года / Под общей редакцией Я.Б. Жолобова, А.А. Дорской. - Санкт-Петербург : Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2022. С. 1205-1211.

11. Гусейнов М.Р. Проблемы поддержание прокурором государственного обвинения в стадии судебного разбирательства // Наука через призму времени. 2017. № 7. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.naupri.ru/journal/295>(дата обращения: 30.07.2025).

12. Ергашев Е.Р. Принципы прокурорского надзорно-охранительного права и его институтов: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 33 с.

13. Ерофеев А.Е. Проблема отказа прокурора от обвинения в ходе судебного разбирательства // Экономика и социум. 2018. № 9 (52). [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-otkaza-prokurora-ot-obviniya-v-hode-sudebnogo-razbiratestva> (дата обращения: 30.07.2025).

14. Ишембитов А.Ф., Галимов Э.Р. Деятельность государственного обвинителя при подготовке к судебному разбирательству в суде первой инстанции // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. № 6. [Электронный ресурс] // URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-gosudarstvennogo-obvinitelya-pri-](https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-gosudarstvennogo-obvinitelya-pri)

podgotovke-k-sudebnomu-razbiratelstvu-v-sude-pervoy-instantsii (дата обращения: 20.07.2025).

15. Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции: дисс. ... докт. юрид. наук. СПб., 2008. 49 с.

16. Кисленко С.Л. Криминалистические основы участия государственного обвинителя в прениях сторон по уголовным делам // Вестник ННГУ. 2019. №2. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskie-osnovy-uchastiya-gosudarstvennogo-obvinitelya-v-preniyah-storon-po-ugolovnym-delam> (дата обращения: 20.07.2025).

17. Клименко А.В. Участие прокурора в подготовительной части судебного разбирательства по уголовным делам // Вестник науки. 2019. № 12 (21). [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-prokurora-v-podgotovitelnoe-chasti-sudebnogo-razbiratelstva-po-ugolovnym-delam> (дата обращения: 20.07.2025).

18. Ковалев О.Г., Семенова Н. В. Становление и развитие института поддержания государственного обвинения в отечественном законодательстве: историко-правовой аспект // Столыпинский вестник. 2021. №2. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-instituta-podderzhaniya-gosudarstvennogo-obvinieniya-v-otechestvennom-zakonodatelstve-istoriko-pravovoy> (дата обращения: 20.07.2025).

19. Ковальчук А.К. Правовое положение государственного обвинителя в суде первой инстанции // Молодой ученый. 2021. № 39 (381). С. 113-116.

20. «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), "Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней" (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) [Электронный ресурс] // URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/(дата обращения: 02.04.2025).

21. Кудряшова С.Д. Проблемы поддержания государственного обвинения с участием присяжных заседателей в районном суде и пути их решения // Ленинградский юридический журнал. 2019. №2 (56). [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-podderzhaniya-gosudarstvennogo-obvinieniya-s-uchastiem-prisyazhnyh-zasedateley-v-rayonnom-sude-i-puti-ih-resheniya/> (дата обращения: 30.07.2025).

22. Лапин Е.С. Рассуждения о необходимости прений сторон в российском уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2022. № 12. С. 52-56.

23. Лукожев Х.М. История возникновения и развития государственного обвинения в России // История государства и права. 2011. № 22. С.1-4.

24. «Международный пакт о гражданских и политических правах» (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/(дата обращения: 02.04.2025).

25. Мадина Н.Б. Проблемы отказа государственного обвинителя от поддержания государственного обвинения // Государственная служба и кадры. 2021. №2. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-otkaza-gosudarstvennogo-obvinitelya-ot-podderzhaniya-gosudarstvennogo-obvinieniya> (дата обращения: 30.07.2025).

26. Минаенкова, А. А. Проблемы отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения // Организационное, процессуальное и криминалистическое обеспечение уголовного производства : материалы VII Международной научной конференции студентов, курсантов и магистрантов, Симферополь, 14 декабря 2018 года. Симферополь : Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2018. С. 66-67.

27. Михайлов А.А. Сущность изменения прокурором обвинения в суде первой инстанции // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 302. С. 134–135.

28. Новости прокуратуры Оренбургской области. [Электронный ресурс] // URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_56/massmedia/news?item=84984754 (дата обращения 17.02.2025 г.).

29. Овчарова М.В. Специфика участия государственного обвинителя в подготовительной части судебного заседания // Молодой ученый. 2017. № 45 (179). С. 138-140.

30. Петров А.П. К вопросу о проблемах поддержания государственного обвинения в суде / А. П. Петров, Г. А. Багдасарян, В. А. Петров // Право. Экономика. Психология. 2024. № 3(35). С. 18-22.

31. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45528/ (дата обращения: 02.04.2025).

32. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 N 1 (ред. от 17.12.2024) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47059/ (дата обращения: 02.04.2025).

33. Приговор Шадринский районный суд Курганской области № 1-12/2021 1-393/2020 от 18 июня 2021 г. по делу № 1-271/2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/osQIaUCCQpds/> (дата обращения 17.05.2023 г.).

34. Приговор № 1-149/2024 от 27 февраля 2024 г. по делу № 1-149/2024 Нахимовский районный суд (город Севастополь) - Уголовное [Электронный

ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RLUC3nhQUOZn/>(дата обращения: 02.04.2025).

35. Приговор № 1-62/2024 от 28 февраля 2024 г. по делу № 1-62/2024 Нефтекамский городской суд (Республика Башкортостан) - Уголовное [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xZnZrnOmQuNW/> (дата обращения: 02.04.2025).

36. Ротнова И.Б. Сущность и принципы государственного обвинения в уголовном процессе // Российский журнал правовых исследований. 2017. Т. 4, № 2(11). С. 163-167.

37. Савоськин А.В., Сошникова И.В. Отказ прокурора от обвинения в уголовном судопроизводстве // Вопросы безопасности. 2022. № 4. С. 119-127.

38. Сазин Д.С. Ошибки, допускаемые государственным обвинителем в процессе доказывания // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти д-ра юрид. наук, профессора П.А. Лупинской: сборник научных трудов. Москва : Элит, 2011. 444 с.

39. Сан-Чун П.С. Проблемы поддержания государственного обвинения с участием присяжных заседателей в суде // Научный Лидер. 2024. № 4 (154). [Электронный ресурс] // URL: <https://scilead.ru/article/5820-problemi-podderzhaniya-gosudarstvennogo-obvin/>(дата обращения: 30.07.2025).

40. Самокаева В.В. Проблемы отказа государственного обвинителя от поддержания государственного обвинения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 11-3 (98). С. 145-147.

41. Спириин А.В. Об участии государственного обвинителя в подготовительной части судебного заседания // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. №1. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-uchastii-gosudarstvennogo-obvinitelya-v-podgotovitelnoy-chasti-sudebnogo-zasedaniya> (дата обращения: 20.07.2025).

42. Страхова С.В. О некоторых проблемных вопросах поддержания государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей//

Научный журнал Байкальского государственного университета. Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 3. С. 58-66.

43. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/(дата обращения: 02.04.2025).

44. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.09.2024) «О прокуратуре Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/cfd23a1083d02cec3688559a631e70cecd40a91e/(дата обращения: 02.04.2025).

45. Харзинова В.М. Прокурор в уголовном процессе // Теория и практика общественного развития. 2014. №10. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prokuror-v-ugolovnom-protsesse> (дата обращения: 02.04.2025).

46. Шадрина Е.Г. Нравственные основы государственного обвинения // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 178-183.

47. Щемеров С.А. Участие прокурора в стадии судебного разбирательства уголовного процесса: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2007. 297 с.

48. Якушева Т.В., Якушев И.И. Позиция государственного обвинителя в судебных прениях // Экономика и социум. 2016. № 1 (20). [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsiya-gosudarstvennogo-obvinitelya-v-sudebnyh-preniyah> (дата обращения: 20.07.2025).